2364
439
32

МАГИСТЕРСКІЕ ДИСПУТЫ

И. М. Громогласова и Д. Г. Коновалова.

I.

Въ концѣ Октября (23-го и 24-го числа) наша скромная „деревенская Академія“ свѣтло праздновала два ученыхъ торжества, по поводу магистерскихъ диспутовъ двухъ своихъ профессоровъ—И. М. Громогласова и Д. Г. Коновалова. Блеску этихъ торжествъ, кромѣ интереса самыхъ диссертацій, захватывающихъ живые и современные вопросы „Опредѣленія брака въ Кормчей“—у перваго и „Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ“—у втораго), немало способствовалъ и пріѣздъ постороннихъ ученыхъ гостей, одни изъ которыхъ приняли даже участіе и въ самыхъ диспутахъ, въ качествѣ неоффиціальныхъ оппонентовъ. Изъ числа такихъ гостей назовемъ преосвященнаго Анастасія, еп. Серпуховскаго, профессора Московскаго университета М. М. Покровскаго, профессора Петербургскаго университета И. Д. Андреева, профессора Нѣжинскаго института П. В. Тихомірова, профессоровъ Д. В. Цвѣтаева и П. С. Страхова, сотрудника Русскихъ Вѣдомостей С. П. Мельгунова и нѣкотор. другихъ.

Первымъ происходилъ диспутъ И. М. Громогласова, состоявшійся вечеромъ 23-го Октября въ самой большой изъ академическихъ аудиторій (№ 1), переполненной слушателями. Самый диспутъ начался въ 6½ ч. вечера краткимъ curriculum vitae магистранта, изъ котораго было видно, что онъ—урожденецъ Тамбовской епархіи, родился въ 1869 году, низшее и среднее образованіе получилъ въ Шацкомъ духовномъ училищѣ и Тамбовской духовной семинаріи, а высшее—въ Московской дух. Академіи, курсъ которой окончилъ

въ 1893-емъ году и былъ оставленъ профессорскимъ стипендіатомъ. Свой стипендіатскій годъ И. М. провелъ въ качествѣ вольнослушателя Московскаго университета, гдѣ занимался изученіемъ энциклопедіи права, исторіи и догмы римскаго права, исторіи русскаго права и въ особенности—изученіемъ каноническаго права, подъ руководствомъ извѣстнаго спеціалиста этой науки, покойнаго проф. А. С. Павлова. Въ концѣ этого года И. М. былъ избранъ Совѣтомъ Московской Академіи на вакантную въ то время, за выходомъ въ отставку проф. Н. И. Субботина, каѳедру исторіи и обличенія русскаго раскола, каковую занимаетъ и въ настоящее время. Въ заключеніе curriculum vitae диспутанта, былъ прочитанъ длинный списокъ его научныхъ работъ и публицистическихъ статей, главнымъ образомъ, по вопросамъ старообрядчества и сектантства, а также и изъ области канонического права.

Затѣмъ на каѳедру поднялся самъ диспутантъ и сказалъ слѣдующую рѣчь, стенографически записанную однимъ изъ студентовъ:

Ваше Преосвященство,
досточтимые отцы и милостивые государи!

Академическій обычай налагаетъ на меня обязанность задержать хотя на нѣсколько минутъ вниманіе Ваше рѣчью передъ диспутомъ и тѣмъ замедлить начало ученаго суда надо мной уважаемой коллегіи представителей академической науки. Повинуясь требованію, традиціи, я напередъ обѣщаю, по крайней мѣрѣ, быть по возможности кратким. Я не буду говорить ни о важности изслѣдуемаго мною вопроса, ни о его научно-практическомъ интересѣ, ни о разныхъ—„зависящихъ“ и „независящихъ“—обстоятельствахъ личнаго характера, мѣшавшихъ моей работѣ. Распространяться по первому пункту незачѣмъ, такъ какъ это значило бы доказывать то, что никѣмъ не оспаривается. Второй, думается мнѣ, достаточно выясненъ во введеніи къ моей работѣ. Говорить о третьемъ было бы равносильно просьбѣ о снисхожденіи; но оно и безъ того уже въ достаточной мѣрѣ примѣнено ко мнѣ моими уважаемыми рецензентами, отыскавшими въ моей работѣ гораздо больше достоинствъ и меньше недостатковъ, чѣмъ сколько ихъ есть на самомъ дѣлѣ; и если при такихъ условіяхъ окончательный приговоръ моихъ ученыхъ судей будетъ склоняться къ тому, чтобы произнести: „виновенъ“, то я самъ считаю справедливымъ присоединить, что не заслуживаю дальнѣйшаго снисхожденія.

Но я не могу не воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы—помимо цѣлей самозащиты—обратить вниманіе ученаго собранія на тѣ, встрѣченныя на моемъ пути, трудности, которыя зависѣли отъ

характера самой науки, къ области которой относится моя работа, и отъ особенностей того спеціальнаго вопроса, который сдѣлалъ я предметомъ своего изслѣдованія.

Наука церковнаго права есть двухсторонняя наука: съ одной стороны—церковно-богословская, съ другой—юридическая. Въ системѣ богословско-академическаго образованія она не стоитъ изолированно только первой изъ названныхъ сторонъ; но совершенно иначе обстоитъ дѣло съ ея юридическимъ характеромъ. Въ этомъ отношеніи студентъ академіи, рѣшающійся посвятить себя ученой работѣ въ области церковнаго права, оказывается и теперь въ довольно безпомощномъ состояніи, не имѣя предшествующей спеціальнымъ занятіямъ общей юридической подготовки. Но теперь по крайней мѣрѣ самая наука церковнаго права преподается у насъ на третьемъ, а не на четвертомъ курсѣ, какъ въ мое время, когда къ разработкѣ спеціальныхъ вопросовъ этой науки приходилось приступать, не зная ея азбуки, не имѣя даже и самаго элементарнаго знакомства съ основными правовыми понятіями и съ методами юридической интерпретаціи. Неудобства такого порядка я въ полной мѣрѣ испыталъ на себѣ; но не многимъ лучше и въ настоящее время положеніе академическаго студента, рѣшающагося посвятить свои силы церковно-правовымъ изслѣдованіямъ. Единственный, доступный ему, способъ необходимой подготовки можетъ состоять лишь въ самостоятельномъ книжномъ знакомствѣ съ юридическими дисциплинами; но не слѣдуетъ преувеличивать значеніе этого средства и забывать объ опасныхъ сторонахъ научнаго автодидактизма... Вотъ почему я счелъ необходимымъ использовать свой стипендіатскій годъ по окончаніи академическаго курса для восполненія пробѣловъ своего образованія изученіемъ нѣкоторыхъ юридическихъ наукъ подъ сѣнью высшей свѣтской школы,—подъ гостепріимною кровлею Московскаго Университета. Благожелательное руководительство его профессоровъ-юристовъ дало мнѣ возможность и въ этотъ сравнительно короткій срокъ пріобрѣсти очень многое, существенно облегчившее мои дальнѣйшія занятія въ области церковнаго права.

Другой рядъ трудностей, испытанныхъ мною, зависѣлъ отъ спеціальнаго предмета моей работы Я посвятилъ свое вниманіе изученію брачнаго института, который, какъ извѣстно, не былъ созданъ христіанствомъ, а сложился въ до-христіанскомъ мірѣ и наиболѣе полно разработанъ римскимъ правосознаніемъ, вліяніе котораго замѣтно обнаруживается въ христіанскомъ брачномъ правѣ. Можно считать преувеличеннымъ мнѣніе Іеринга, признающаго римское право элементомъ цивилизаціи новыхъ народовъ, равнымъ по своему значенію самому христіанству; но нельзя отрицать того, что изученіе положительныхъ нормъ христіанскаго брачнаго права не можетъ игнорировать историческаго соприкосновенія собственно христіанскихъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній на бракъ съ отголосками римской традиціи. Ради выясненія роли этой послѣдней я долженъ былъ пуститься въ опасное плаванье по широкому морю

источниковъ римскаго права, преодолѣвая трудности, незнакомыя прошедшимъ иную подготовительную школу, — и только черезъ 13 лѣтъ рѣшаюсь думать, что приблизился, наконецъ, къ своей желанной мѣтѣ...

Все сказанное до сихъ поръ о трудностяхъ, испытанныхъ мною на себѣ и ожидающихъ каждаго питомца нашей школы, посвятившаго себя той же спеціальности, даетъ мнѣ смѣлость заявить здѣсь, предъ лицемъ ученаго собранія, одну свою не разъ продуманную мысль, свое крѣпкое, выстраданное убѣжденіе. Несомнѣнно, что наука церковнаго права, столь важная по своему практическому значенію, не можетъ развиваться успѣшно при той изолированности и обособленности, въ какой она находится теперь. Быть можетъ, отсюда не слѣдуетъ дѣлать вывода о необходимости восполнить и безъ того достаточно перегруженный учебный курсъ духовной академіи введеніемъ тѣхъ или другихъ юридическихъ дисциплинъ ради болѣе основательной подготовки къ изученію церковнаго права. Но я не могу не высказать, опираясь на свой личный опытъ, самаго искренняго и горячаго пожеланія, чтобы тѣмъ, кто встрѣтятся съ подобными испытаннымъ мною затрудненіями, была легко доступна необходимая помощь со стороны. Не къ разъединенію и обособленію двухъ высшихъ школъ—духовной и свѣтской—нужно стремиться поэтому, а къ сближенію и живому взаимообщенію между ними въ интересахъ церкви и науки...

На ряду съ указанными трудностями нельзя не упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, значительно облегчившемъ ихъ для меня. Я глубоко благодаренъ судьбѣ за то, что въ своихъ изслѣдованіяхъ по избранному спеціальному вопросу я имѣлъ двухъ опытныхъ и благожелательныхъ ближайшихъ руководителей. Не считаю удобнымъ говорить о своей признательности тому изъ нихъ, кто присутствуетъ здѣсь на лицо въ числѣ моихъ ученыхъ судей. Но я не могу не вспомнить въ данный моментъ о другомъ своемъ руководителѣ, который—увы!—уже десять лѣтъ тому назадъ ушелъ „въ страну, откуда нѣтъ возврата“. Разумѣю покойнаго профессора церковнаго права въ Московскомъ Университетѣ А. С. Павлова. Я долженъ былъ бы заглушить въ себѣ голосъ искренняго чувства, если бы не засвидѣтельствовалъ именно здѣсь и теперь своей благодарности ему, которую неизмѣнно сохраню на всю свою жизнь. Когда мое изслѣдованіе появилось въ печати, первымъ движеніемъ души моей было—посвятить эту работу ему; и только опасеніе упрека, что я хочу связать свое мелкое имя съ именемъ великаго учителя, удержало меня отъ этого. Пусть же, по крайней мѣрѣ, хоть эти слова послужатъ слабою данью благодарной памяти ученика о своемъ незабвенномъ наставникѣ и руководителѣ.

При благожелательномъ руководствѣ такихъ представителей науки церковнаго права, работа въ ея области значительно облегчалась, и уже моя вина, если, не смотря на это, я сдѣлалъ гораздо меньше, чѣмъ предполагалъ. Только себя самого могу винить я за то, что собранныя мною въ долгихъ блужданіяхъ по окольнымъ путямъ

цвѣты науки оказываются безцвѣтными и безжизненными, какъ метерлинковскія „синія птицы“. И этой вины я никогда не сознавалъ такъ ясно, какъ въ данный моментъ, когда приношу свой скромный букетъ засохшихъ цвѣтовъ дорогой „матери—кормилицѣ“, Московской Духовной Академіи, въ надеждѣ, что она не отвергнетъ моего скромнаго дара.

Я знаю, какъ много недостатковъ въ моей работѣ. Но сужденіе о нихъ и окончательный судъ надо мной принадлежитъ не мнѣ, а уважаемой коллегіи представителей академической науки и прежде всего—моимъ уважаемымъ оппонентамъ, которымъ я и уступаю теперь поле вашего вниманія.

Послѣ этой рѣчи, покрытой дружными апплодисментами присутствующихъ, началась оживленная бесѣда между диспутантомъ и его оппонентами.

Первый оффиціальный оппонентъ—профессоръ каноническаго права Н. А. Заозерскій началъ свою бесѣду съ самой лестной характеристики подлежащаго защитѣ труда. За тщательность въ обработкѣ юридическаго матеріала, за строгость выводовъ и сжатость стиля, рецензентъ сравнивалъ работу магистранта съ „золотымъ слиткомъ“, изъ котораго плавильнымъ приборомъ тщательно удалено все лишнее; такъ что съ этой стороны нельзя предъявить автору никакихъ серьезныхъ возраженій; скорѣй можно опасаться развѣ только того, что точность юридическаго мышленія и сжатость языка книги, пожалуй даже повредятъ ея широкой популяризаціи. А такой популяризаціи она вполнѣ заслуживаетъ, такъ какъ вопросъ о бракѣ, который она спеціально трактуетъ, помимо глубокаго, чисто научнаго, теоретическаго интереса, имѣетъ и весьма важное, современное, жизненно-практическое значеніе. Въ настоящее время вопросъ о бракѣ выдвинутъ на сцену и не только интересуетъ собой широкіе круги общества, но и усиленно разрабатывается въ законодательныхъ учрежденіяхъ духовной и свѣтской власти. Все это заставляетъ оппонента особенно изощрить свое критическое зрѣніе; и вотъ онъ, вооружившись научнымъ микроскопомъ, нашелъ на вышеназванномъ золотомъ слиткѣ и нѣсколько царапинъ.

Первую такую царапину проф. Заозерскій усмотрѣлъ еще въ самомъ введеніи къ книгѣ г. Громогласова. По мнѣнію рецензента, диспутантъ — страстный поклонникъ римскаго права, все время на немъ базирующій свои выводы—въ введеніи къ своей книгѣ пошелъ еще дальше и сдѣлалъ по-

пытку окунуться въ доисторическую жизнь. Авторъ держится мнѣнія, что форма заключенія брака является отраженіемъ юридическихъ и вообще культурно-правовыхъ воззрѣній извѣстной націи и эпохи. Отсюда онъ, вслѣдъ за многими популярными антропологами и соціологами (Морганъ, Леббокъ, Спенсеръ, Тэйлоръ, Энгельсъ, Вестермаркъ и др.), утверждаетъ, что первичной, доисторической формой брачныхъ сопряженій былъ *матріархатъ* т. е. господство въ бракѣ женщины, и что вся, вообще, послѣдующая исторія брачныхъ отношеній стоитъ въ тѣсной зависимости и причинной связи съ ходомъ обще-культурнаго прогресса. Не оспаривая всѣхъ указанныхъ тезисовъ, проф. Заозерскій утверждалъ, что факты и гипотезы соціологовъ и антропологовъ слишкомъ неустойчивы и шатки, чтобы строить только *на нихъ* подобные выводы. Позднѣйшая же историческая жизнь и даже современная намъ дѣйствительность даетъ основанія къ тому утвержденію, что брачная и семейная жизнь устраиваются независимо отъ той или иной степени культурнаго развитія. Мы всѣ прекрасно знаемъ не одну пару супруговъ, живущихъ среди утонченной роскоши и культурнаго комфорта, и однако совершенно некультурныхъ по своимъ брачнымъ отношеніямъ. Равнымъ образомъ, у всѣхъ у насъ предъ глазами и примѣры того, насколько возвышенны и чисты бываютъ браки простыхъ, некультурныхъ и малоразвитыхъ людей, но живущихъ въ традиціяхъ патріархальной семейной чистоты и въ завѣтахъ доброй нравственности. Значитъ, здѣсь дѣйствуетъ не обще-культурный прогрессъ, а какой-то иной законъ, который и опредѣляетъ собой качественное достоинство брачнаго института.

Отвѣчая на эти возраженія, И. М. Громогласовъ заявилъ, что онъ всего менѣе склоненъ отстаивать каждую деталь „введенія“ въ свою работу, такъ какъ здѣсь ему приходилось не столько выступать въ качествѣ самостоятельнаго изслѣдователя по первоисточникамъ, сколько воспринимать и усвоять готовые результаты чужихъ изслѣдованій, огражденные весьма авторитетными именами. Къ числу такихъ результатовъ принадлежитъ и мысль объ изначальности матріархата, высказанная къ тому же такъ кратко—на протяженіи четырехъ—пяти строкъ и въ такой связи, что принятіе или непринятіе ея едва-ли можетъ отразиться на су-

щественныхъ результатахъ самаго изслѣдованія. Что же касается соотвѣтствія или несоотвѣтствія брачныхъ формъ общему уровню культурнаго развитія, то, по мнѣнію диспутанта, для его цѣлей важна не фактическая сторона дѣла, а идейная—развитіе правовыхъ нормъ, которое шло параллельно общему развитію человѣчества. Несомнѣнно, что въ этомъ отношеніи древнѣйшія эпохи были гораздо ниже и грубѣе,—взять хотя-бы взглядъ большинства древнихъ народовъ на женщину, какъ рабу, и характерный для нихъ деспотизмъ семейныхъ отношеній. Здѣсь общекультурный прогрессъ, смягчивши нравы, неоспоримо благотворно отразился и на брачномъ институтѣ.

Въ качествѣ второго возраженія диспутанту, проф. Заозерскій указалъ на то, что онъ, односторонне увлекшись римскимъ брачнымъ правомъ, опустилъ изъ виду важныя вліянія другихъ древнихъ законодательствъ, напр. античной Греціи и въ особенности, Еврейскаго народа. А между тѣмъ брачное право Евреевъ, запечатлѣнное въ Библіи, безъ сомнѣнія, не осталось безъ сильнаго вліянія на выработку христіанскихъ формъ бракозаключенія. Для подтвержденія своей мысли, проф. Заозерскій прочелъ по Библіи характерныя мѣста изъ исторіи обрученія Исаака и Ревекки (Быт. XXIV гл.) и изъ соотвѣтствующаго анализа ихъ вывелъ, что здѣсь на лицо всѣ типическіе элементы послѣдующей римской брачной формулы (consensus, donatio propter nuptias—тѣ серьги и запястья, златые и серебряные сосуды, которые фигурируютъ въ этой библ. исторіи). Аналогичный же этому примѣръ имѣемъ мы и въ извѣстной исторіи Іуды и Ѳамари, гдѣ роль donatio играетъ, именно, перстень. Комментируя свои ссылки на Библію, проф. Заозерскій говорилъ, что для него не имѣетъ значенія вопросъ о хронологіи этихъ мѣстъ Библіи—принадлежатъ-ли они пастушескимъ временамъ, написаны-ли они въ эпоху вавилонскаго плѣна, или даже еще позднѣе—все это въ данномъ случаѣ совершенно не важно. Для него важна и нужна въ этихъ примѣрахъ та устойчивая юридическая правда, которая проходитъ чрезъ всѣ эти описанія; она-же сквозитъ и въ римскомъ брачномъ правѣ и она же, наконецъ, болѣе ясно формулируется въ христіанскомъ брачномъ законодательствѣ. Это и есть та глубокая жизненная правда, которая не измѣняется, подобно мини-

стерскимъ циркулярамъ, а живетъ вѣка и тысячелѣтія исторіи, указывая тѣмъ самымъ на особую чистоту и высоту своего первоисточника.

На это возраженіе диспутантъ отвѣтилъ слѣдующее. Что касается рекомендуемыхъ ему параллелей изъ исторіи брачнаго законодательства древнихъ Грековъ и Евреевъ, то онъ опустилъ ихъ сознательно и думаетъ, что имѣлъ на это полное право. Вѣдь онъ пишетъ не всеобщую исторію брачнаго института, а лишь намѣчаетъ въ „введеніи“ ея типическіе моменты по наиболѣе подходящимъ для этого даннымъ римской правовой исторіи, и затѣмъ въ самомъ изслѣдованіи анализируетъ бракоопредѣлительную формулу, цѣликомъ заимствованную христіанскимъ законодательствомъ изъ римскаго же права, которому поэтому и удѣлено такъ много вниманія. Этимъ онъ нисколько не думаетъ, конечно, отрицать извѣстнаго значенія за другими древними законодательствами—въ процессѣ естественнаго развитія понятій о бракѣ, но полагаетъ, что идейные результаты этого развитія всего яснѣе обнаруживаются въ его завершительномъ моментѣ. Что же касается библейскихъ примѣровъ, то на нихъ, по мнѣнію диспутанта, нельзя смотрѣть какъ на матеріалъ, вполнѣ подходящій для освѣщенія моментовъ естественной исторіи брака. Въ тѣхъ исключительныхъ фактахъ, на которые ссылался проф. Заозерскій, слишкомъ видна рука Божественнаго Промысла, осуществлявшаго путемъ ихъ свои особыя цѣли и мы едва-ли имѣемъ право трактовать ихъ, какъ примѣры обычныхъ людскихъ отношеній.

Третье и послѣднее возраженіе проф. Заозерскаго имѣло въ виду отмѣтить, съ одной стороны, нѣсколько преувеличенное значеніе, какое усвоиваетъ диспутантъ „формулѣ Модестина“ въ опредѣленіи элементовъ древне-христіанской формулы бракозаключенія, съ другой—указать нѣкоторыя каноническія данныя, просмотрѣнныя авторомъ. Древне-христіанское сознаніе, по взгляду проф. Заозерскаго, прекрасно различало двѣ стороны брачнаго законодательства—государственную и церковную. Первую оно такъ и именовало—„законъ политическій (*νόμος πολιτικός*), вторую же называло „закономъ естественнымъ и божественнымъ (*νόμος φυσικός*), разумѣя подъ нимъ, главнымъ образомъ, врожденный всѣмъ людямъ, естественный нравственный законъ. Эту свою мысль онъ

аргументировалъ ссылками на авторитетъ св. Іоанна Златоуста, Бл. Іеронима и Августина, изъ которыхъ становилось ясно, что въ вопросахъ брака эти отцы церкви отдавали предпочтеніе не столько писанному закону, сколько голосу внутренняго чувства. Еще характернѣе въ этомъ отношеніи приведенныя имъ свидѣтельства изъ „Апостольскихъ Постановленій“, гдѣ выпукло выставляется превосходство естественнаго „физическаго закона“ предъ „второзаконіемъ“. Вотъ, именно, этотъ то законъ, вложенный въ природу человѣка Творцомъ, начертанный еще въ десятословіи Моисея и въ писаніяхъ пророковъ, и во всей его чистотѣ возстановленный въ Евангеліи, и оказалъ, по мнѣнію проф. Заозерскаго, свое рѣшающее вліяніе на выработку церковно-христіанскаго взгляда на бракъ. Ясные слѣды всего этого сохранились и до сихъ поръ въ современномъ чинѣ вѣнчанія, среди молитвъ котораго имѣются и такія, которыя указываютъ на тѣснѣйшую связь христіанскаго брака съ первобытнымъ естественно-нравственнымъ союзомъ.

Въ отвѣтъ на эти замѣчанія диспутантъ указалъ, что онъ отнюдь не игнорировалъ того „естественнаго“ закона, который заложенъ творческою силой Божіей въ самой природѣ человѣка и отъ котораго исходили св. отцы и церковные писатели въ своихъ сужденіяхъ о естественной природѣ брака. Напротивъ, этому то „естественному“ закону обычно отводится первое мѣсто на страницахъ разбираемаго изслѣдованія при анализѣ элементовъ понятія о бракѣ, нашедшаго себѣ классическое выраженіе въ модестиновой формулѣ. И если, по мнѣнію оппонента, такихъ указаній не достаточно, то не слѣдуетъ забывать, что полное и всестороннее раскрытіе христіанско-церковнаго воззрѣнія на бракъ должно составить предметъ слѣдующей, второй половины изслѣдованія объ „опредѣленіяхъ брака въ Кормчей“. Въ своемъ заключительномъ приговорѣ о диссертаціи диспутанта, проф. Заозерскій еще разъ подчеркнулъ ея незаурядныя достоинства и привѣтствовалъ въ лицѣ г. Громогласова новаго виднаго работника на почвѣ канонической науки.

Второй оффиціальный оппонентъ—бывшій профессоръ нашей Академіи, а теперь профессоръ Петербургскаго университета, И. Д. Андреевъ—началъ свою рѣчь съ заявленія, что онъ охотно послѣдовалъ бы въ данномъ случаѣ универ-

ситетскому этикету, который при отсутствіи матеріала для какихъ-либо серьезныхъ возраженій, позволяетъ оппоненту молчаливо раскланяться съ диспутантомъ и этимъ ограничить свою оффиціальную роль. Но считаясь съ академическими порядками, гдѣ такого обычая нѣтъ, онъ принужденъ отыскивать недостатки сочиненія и дѣлать по поводу ихъ возраженія.

Первое изъ такихъ замѣчаній касалось характеристики и оцѣнки „Эклоги", какъ памятника законодательной дѣятельности Исаврійской династіи. Проф. Андреевъ находилъ, что авторъ нѣсколько пренебрежительно и высокомѣрно отзывается о дѣятельности императоровъ этой династіи, чего она далеко не заслуживаетъ. Въ частности, при анализѣ и характеристикѣ самой „Эклоги" авторъ не принялъ во вниманіе новѣйшаго взгляда, согласно которому „Эклога", какъ и вся, вообще, законодательная дѣятельность императоровъ-исаврійцевъ, отразила на себѣ важныя восточныя вліянія, шедшія съ сирійскаго плоскогорья и замѣтно воздѣйствовавшія на Византію. А это обстоятельство логически ведетъ и къ тому предположенію, что въ окончательной формулировкѣ христіанскаго брачнаго права принимали участіе не одни только западныя вліянія (римское право), но, въ извѣстной долѣ, также и восточныя. Другое возраженіе того-же оппонента касалось сопоставленія въ книгѣ г. Громогласова цитатъ изъ посланій ап. Павла при характеристикѣ воззрѣній послѣдняго на бракъ. Усматривая въ этихъ воззрѣніяхъ нѣкоторую двойственность, проф. Андреевъ указалъ, какъ на пробѣлъ разсматриваемой работы, на отсутствіе въ ней замѣчаній о хронологіи новозавѣтныхъ писаній и на недостаточность историко-критической интерпретаціи приводимыхъ изъ нихъ мѣстъ, безъ чего ссылки на нихъ не мало теряютъ въ своей убѣдительности и силѣ.

Отвѣчая своему второму оппоненту, диспутантъ заявилъ, что ему оставалось бы только согласиться съ первымъ возраженіемъ, если бы оно не основывалось на нѣкоторомъ недоразумѣніи. Въ дѣйствительности въ его книгѣ нѣтъ общей пренебрежительной оцѣнки „Эклоги", а есть лишь одно частное, и вполнѣ справедливое, по его мнѣнію, замѣчаніе (на стр. 147) о „хвастливой", но не основательной претензіи составителей названнаго законодательнаго свода на то, что

имъ удалось сблизить нормы гражданскаго бракоразводнаго права съ содержаніемъ евангельской заповѣди. Въ отношеніи къ новозавѣтнымъ писаніямъ диспутантъ не усматривалъ для себя ни необходимости, ни возможности самостоятельно разобраться въ исагогическихъ или экзегетическихъ вопросахъ, довольствуясь тѣмъ, что находилъ въ доступныхъ для него пособіяхъ, и полагая, что въ противномъ случаѣ ему неизбѣжно пришлось бы слишкомъ далеко отклониться отъ своей спеціальной задачи.

Въ заключеніе своей бесѣды съ диспутантомъ проф. Андреевъ горячо привѣтствовалъ его и въ частности назвалъ его работу „зрѣлымъ трудомъ настоящаго мастера".

Въ качествѣ неоффиціальнаго оппонента выступилъ ординарный профессоръ Московскаго Университета по каѳедрѣ латинскаго языка и римской словесности М. М. Покровскій. Оппонентъ, по его собственному выраженію, не пожелалъ взять на себя partes diaboli, но предпочелъ сдѣлать одно принципіальное дополненіе къ книгѣ автора, признавая, впрочемъ, что нѣкоторые пункты этого дополненія намѣчены самимъ авторомъ.

Принятіе языческой формулы Модестина христіанскимъ правомъ представляетъ собою весьма важный культурно-историческій фактъ.

Въ свою очередь и формула Модестина (*nuptiae sunt coniunctio maris et feminae, et consortium omnis vitae, divini et humani iuris communicatio*), при всемъ своемъ юридическомъ характерѣ, не могла не отразить на себѣ сложившихся вѣками въ римскомъ обществѣ этическихъ традицій и идеаловъ.

Уже по внѣшнему своему виду эта формула носитъ на себѣ *стоическій* отпечатокъ.

Римскіе послѣдователи стоицизма—чистые, или эклектики, это для даннаго вопроса не очень существенно—учили (уже Цицеронъ, особенно въ трактатѣ „Объ обязанностяхъ", но также напр. и въ трактатѣ „О дружбѣ"), что наиболѣе элементарной связью, свойственной всѣмъ живымъ существамъ, включая сюда и людей, является половое влеченіе съ цѣлью рожденія дѣтей и забота о рожденныхъ.

Но люди, какъ существа, одаренныя разумомъ и рѣчью, не могутъ ограничиться такой слишкомъ односторонней формой соединенія; наоборотъ, всякаго рода союзы между ними,

начиная съ союза семейнаго и кончая союзомъ государственнымъ (а семья—своего рода seminarium reipublicae) и даже міровымъ,—основываются главнѣйшимъ образомъ на сродствѣ нравовъ и высшихъ этическихъ и общественныхъ идеаловъ. Наличность подобнаго сродства естественно приводитъ къ consortium vitae и къ communicatio rerum divinarum atque humanarum, какъ главнымъ признакамъ и условіямъ истинной, страстной и идеальной дружбы; въ трудныя времена consortium omnis vitae выражается въ полномъ самопожертвованіи членовъ союза въ пользу другъ друга и въ проявленіи высокаго нравственнаго героизма, не отступающаго даже передъ смертью или самоубійствомъ (каковое стоики, какъ извѣстно, допускали).

Эти взгляды развиваетъ, съ любопытными нюансами, и Сенека, и намъ понятны приписываемые ему афоризмы, что жену нельзя любить ut adulteram (т. е. только половой любовью), но что надо любить ее iudicio (т. е. разумно, какъ этого заслуживаетъ разумное существо). Интересны отношенія между нимъ и его молодой женой Паулиной: они живутъ, какъ дѣйствительно заботящіеся другъ о другѣ товарищи, взаимно другъ друга уважающіе и легко идущіе на взаимныя уступки. Сенека тонко отзывается о своихъ отношеніяхъ къ женѣ (письмо 104): scio spiritum illius in meo verti... indulgendum est *honestis affectibus* (въ противоположность односторонему половому affectus, недостойному человѣка). Но и Паулина съумѣла дать героическій отвѣтъ на такія чувства мужа: когда Сенека получилъ отъ Нерона приказъ о самоубійствѣ, то она изъявила желаніе покончить съ собой и этимъ не только тронула мужа, но и даже терроризовала самого Нерона.

Вообще, женщина, при всемъ ограниченіи своихъ юридическихъ правъ, играла въ римской семьѣ очень большую роль, какъ дѣятельная хозяйка и воспитательница дѣтей. Въ семьяхъ, просвѣщенныхъ философіей, эта роль ея еще болѣе возвышалась въ нравственномъ и общественномъ отношеніи, такъ какъ образованная мать семейства частью вмѣстѣ съ мужемъ, частью и сама слѣдила и умѣла слѣдить за научнымъ и нравственнымъ воспитаніемъ дѣтей и за пріемами ихъ учителей—философовъ. Такова напр. еще знаменитая Корнелія—мать Гракховъ; въ сходныхъ чертахъ изображаетъ Тацитъ мать и жену своего тестя Агриколы.

Во всякомъ случаѣ, римская исторія даетъ не мало примѣровъ самопожертвованія любящихъ и просвѣщенныхъ женъ, сообщившихъ своимъ поведеніемъ глубокій и трагическій смыслъ идеѣ consortium omnis vitae. Изъ галлереи подобныхъ женъ, кромѣ названной Паулины, очень выдѣляется уже Порція, дочь Катона Младшаго и жена Брута, участница даже въ заговорѣ послѣдняго противъ Цезаря и не пережившая гибели мужа. И память о подобныхъ женщинахъ, къ какой бы политической партіи ни принадлежали ихъ мужья, чтилась въ римской литературѣ съ благоговѣніемъ и хранилась въ назиданіе потомкамъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія спеціальная глава о супружеской любви у Валерія Максима, писателя временъ Тиберія, съ прекрасными примѣрами истиннаго consortium omnis vitae.

Но мало того, подобная тема популярна и въ риторскихъ школахъ: такъ, уже Овидій на школьной скамьѣ (см. Controversiae et Suasoriae, сохраненныя Сенекой Старшимъ) декламировалъ на тему о томъ, какъ мужъ и жена поклялись не переживать другъ друга, и въ этой декламаціи, между прочимъ, воздалъ великую честь тѣмъ женамъ, которыя погибли или вмѣстѣ съ мужьями или за мужей.

Вообще, моногамическій принципъ обоснованъ въ Римѣ лучшими представителями общества очень твердо: ср. напр. 376 декламацію Квинтиліана (uxo sociar tori, vitae consors, in omne saeculum eligenda est), или напр. романтическую, выражающую идеалы римскихъ стоиковъ, характеристику брака первобытныхъ германцевъ въ „Германіи“ Тацита (гл. 18 и 19) и т. д.

Во времена имперіи, при сложныхъ и затяжныхъ войнахъ, жены полководцевъ нерѣдко сопровождаютъ ихъ вмѣстѣ съ маленькими дѣтьми и дѣлятъ съ ними всѣ трудности походной и лагерной жизни. Такова напр. Агриппина Старшая, доблестная жена Германика; и уже во время Тиберія (Tacit. Ann. III, 34) просвѣщенная часть сената высказывалась въ пользу этого новаго обычая, на томъ основаніи, что нельзя же отнимать у мужей consortia rerum secundarum adversarumque.

Сходныя воззрѣнія, хотя и развивавшіяся другимъ путемъ, существовали и въ римскомъ плебсѣ. Такъ, онъ всегда вы-

соко цѣнитъ чистоту брака въ лучшихъ аристократическихъ семьяхъ. Далѣе, весьма любопытны плебейскія надгробныя надписи, въ которыхъ мужья жалуются на преждевременную смерть женъ, бывшихъ имъ истиннымъ утѣшеніемъ въ жизни и дѣлившимъ съ ними горе и радость и т. д. и т. д. (см. конецъ 1-го тома *Фридлендера* Sittengeschichte Roms и собраніе подобныхъ надписей у *Bücheler'a* Carmina epigraphica).

Въ заключеніе оппонентъ, вполнѣ согласный съ И. М. Громогласовымъ по вопросу о союзѣ между свѣтской и духовной наукой, выразилъ ему благодарность за доставленіе возможности познакомиться съ его весьма интересной и весьма ученой книгой.

Диспутантъ отвѣтилъ на это выраженіемъ искренней благодарности за интересныя дополненія къ своей работѣ, сдѣланныя ученымъ спеціалистомъ, которому онъ и помимо ихъ обязанъ нѣкоторыми цѣнными указаніями. Сообщенными теперь данными онъ съ удовольствіемъ воспользуется при пересмотрѣ своей книги для второго изданія, если въ немъ окажется надобность [1]).

Въ заключеніе всего Совѣтомъ академіи И. М. Громогласовъ единогласно былъ признанъ достойнымъ искомой степени и торжественно провозглашенъ магистромъ Богословія, при дружныхъ и продолжительныхъ апплодисментахъ всѣхъ присутствующихъ.

---

[1]) Въ настоящее время первое изданіе диссертаціи г. Громогласова, насколько намъ извѣстно, почти уже исчерпано, и авторъ надѣется въ близкомъ будущемъ приступить къ упомянутому пересмотру для втораго изданія своей книги.

II.

24 октября 1908 года въ Академіи состоялся магистерскій диспутъ и. д. доцента по каѳедрѣ греческаго языка Д. Г. Коновалова. На соисканіе ученой степени магистра богословія имъ было представлено сочиненіе: „*Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ. Часть I, выпускъ I: Физическія явленія въ картинѣ сектантскаго экстаза, Сергіевъ посадъ, 1908 г.*“

Спеціальный интересъ къ научной разработкѣ русскаго мистическаго сектантства молодой ученый почувствовалъ въ себѣ еще на студенческой скамьѣ, когда ему пришлось писать семестровое сочиненіе по вопросу о „происхоженіи хлыстовства“. Движимый этимъ интересомъ, онъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ тщательно изучалъ русское сектантство по существующей о немъ отечественной и иностранной литературѣ. Кромѣ того, онъ постепенно извлекъ изъ архивныхъ нѣдръ (окружныхъ судовъ и духовныхъ консисторій Европейской и Азіатской Россіи) и внимательно обслѣдовалъ огромное количество *рукописнаго* матеріала, въ большей части еще никѣмъ ранѣе его не затронутаго. Сознавая всю важность личнаго, непосредственнаго наблюденія надъ религіозной жизнью изучаемыхъ сектантовъ, Д. Г. Коноваловъ въ 1904 году возбуждалъ чрезъ Совѣтъ Академіи ходатайство предъ высшей властью о командировкѣ въ мѣстности, зараженныя мистическимъ сектантствомъ; но это, вполнѣ понятное и для интереса дѣла крайне желательное его ходатайство почему-то не встрѣтило тогда благосклоннаго себѣ пріема и авторъ volens-nolens принужденъ былъ отказаться пока отъ своего намѣренія. Спеціализовавшись на изученіи религі-

ознаго экстаза въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ, неутомимый изслѣдователь вскорѣ убѣдился, что для надлежащаго пониманія этого явленія необходимо обстоятельное знаніе нервныхъ и душевныхъ болѣзней и непосредственное наблюденіе надъ нѣкоторыми категоріями больныхъ. Руководимый такимъ убѣжденіемъ, онъ, по особому ходатайству академическаго Совѣта, поступилъ, въ качествѣ вольнослушателя, на медицинскій факультетъ Московскаго Университета, гдѣ, въ теченіе $190^3/_4$ учебнаго года, энергично занимался въ нервной и психіатрической клиникахъ: слушалъ лекціи съ демонстраціями больныхъ, посѣщалъ засѣданія Общества невропатологовъ и психіатровъ, работалъ въ богатѣйшихъ спеціальныхъ библіотекахъ, имѣющихся при клиникахъ.

Когда въ 1904 году возникъ вопросъ объ учрежденіи при Московской Академіи особой каѳедры по русскому сектантству, Д. Г. Коноваловъ былъ избранъ Совѣтомъ Академіи въ составъ спеціальной комиссіи по разработкѣ проекта новой каѳедры. Состоя членомъ этой комиссіи, онъ представилъ на ея разсмотрѣніе подробный проектъ учрежденія при Академіи каѳедры русскаго сектантства. Принятый въ комиссіи, проектъ былъ затѣмъ одобренъ Совѣтомъ Академіи и утвержденъ св. Синодомъ [1]). На основаніи его, 16 іюня 1905 года, съ Высочайшаго соизволенія была учреждена при Московской духовной Академіи „особая каѳедра по предмету исторіи и разбора русскаго сектантства". Тогда возникъ дальнѣйшій вопросъ—о замѣщеніи вновь учрежденной каѳедры. Естественнымъ кандидатомъ на нее, какъ и слѣдовало ожидать, явился г. Коноваловъ. Въ своемъ прошеніи о переводѣ на новую каѳедру, онъ, между прочимъ, писалъ: „Удовлетвореніе Совѣтомъ моей просьбы дало бы мнѣ возможность безраздѣльно заняться предметомъ, къ которому съ давнихъ поръ, еще съ академической скамьи, тяготѣетъ мой научный интересъ,—съ полнымъ успѣхомъ завершить уже предпринятыя мною работы по изученію русскихъ сектъ (обширное изданіе „матеріаловъ по русскому сектантству" и диссертацію о русскомъ мистическомъ сектантствѣ, для вы-

[1]) Проектъ напечатанъ въ „Журналахъ засѣданій Совѣта Москов. д. Академіи за 1904 годъ", стр. 359—368.

полненія которой я спеціально занимался въ нервной и психіатрической клиникахъ при Московскомъ Университетѣ, собиралъ рукописи, изучалъ секты западной Европы и Америки, работалъ въ библіотекахъ Москвы и Петербурга) и осуществить программу разработаннаго мною же, принятаго комиссіей и утвержденнаго св. Синодомъ проекта нынѣ учрежденной при Академіи каѳедры „исторіи и разбора русскаго сектантства“ [1]). Совѣтъ Академіи, прекрасно освѣдомленный о полной правдивости всѣхъ этихъ заявленій, въ засѣданіи 15 сентября 1905 года единогласно постановилъ: „Признавая и. д. доцента Академіи Д. Г. Коновалова единственнымъ, извѣстнымъ Совѣту, кандидатомъ, вполнѣ достойнымъ занять вновь учрежденную каѳедру „исторіи и разбора русскаго сектантства“,—ходатайствовать передъ Его Высокопреосвященствомъ о переводѣ г. Коновалова на означенную каѳедру съ занимаемой имъ нынѣ каѳедры греческаго языка и его словесности“ [2]). Означенное постановленіе, признающее г. Коновалова единственнымъ вполнѣ правоспособнымъ замѣстителемъ каѳедры сектовѣдѣнія, было единогласно принято Совѣтомъ, не смотря на то, что соискателемъ той же каѳедры явился безспорно лучшій и наиболѣе образованный изъ современныхъ русскихъ миссіонеровъ — Петербургскій епархіальный противосектантскій миссіонеръ Д. И. Боголюбовъ.

Такимъ образомъ, г. Коноваловъ далеко *не новичекъ* въ избранной имъ для своей магистерской диссертаціи области. Но къ чести молодого ученаго должно отнести, что и послѣ оффиціально засвидѣтельствованнаго столь авторитетнаго признанія его научной правоспособности и достаточной подготовленности къ каѳедрѣ сектовѣдѣнія онъ все-же не спѣшилъ съ изданіемъ своей работы, а цѣлыхъ три года терпѣливо и настойчиво продолжалъ собирать и изучать матеріалы для нея, пока, наконецъ, не рѣшился опубликовать первый выпускъ первой части своего широко задуманнаго

---

[1]) См. „Журналы собраній Совѣта Моск. д. Академіи за 1905 г.“, стр. 311—312.

[2]) „Журналы“ за 1905 г., с. 312. На это ходатайство послѣдовала резолюція: „представить (и представлено) на усмотрѣніе св. Синода“ (тамъ же, с. 356). Каѳедра сектовѣдѣнія при Академіи по настоящее время остается вакантной.

изслѣдованія (см. подробный планъ всего изслѣдованія въ предисловіи къ книгѣ, стр. III—IV), посвященнаго одному изъ интереснѣйшихъ, но вмѣстѣ и труднѣйшихъ вопросовъ—вопросу о религіозномъ экстазѣ въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ.

Этотъ первый выпускъ изслѣдованія, являющійся лишь началомъ цѣлой серіи другихъ выпусковъ, Д. Г. Коноваловъ и представилъ въ маѣ 1908 года въ Совѣтъ Академіи для соисканія магистерской степени [1]). Въ засѣданіи 10 іюня того же года Совѣтъ опредѣлилъ передать диссертацію г. Коновалова для разсмотрѣнія и. д. доцента по каѳедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола И. М. Громогласову, а вторымъ рецензентомъ Преосвященный Ректоръ Академіи назначилъ профессора по каѳедрѣ психологіи П. П. Соколова. Представленные ими оффиціальные отзывы о книгѣ г. Коновалова были заслушаны и одобрены Совѣтомъ въ октябрьскомъ засѣданіи. Въ своихъ подробныхъ, обстоятельныхъ отзывахъ оба рецензента, отмѣтивъ нѣкоторые, преимущественно, формальные, методологическіе недочеты диссертаціи, единогласно признали въ ней исключительныя, высокія достоинства, дающія полное основаніе не только считать ее заслуживающей искомой степени, но и назвать ее *„выдающимся трудомъ“*, а ея появленіе въ свѣтъ — *„научнымъ событіемъ“*. Вполнѣ соглашаясь съ лестными отзывами о диссертаціи г. Коновалова со стороны оффиціальныхъ рецензентовъ, Совѣтъ Академіи сдѣлалъ постановленіе о допущеніи ея къ публичной защитѣ. По исполненіи всѣхъ дальнѣйшихъ законныхъ формальностей (занесенія отзывовъ въ журналъ Совѣта, отсылки всего журнала подлежащей Епархіальной власти и обратнаго его возвращенія съ благопріятной резолюціей), былъ, наконецъ, точно

[1]) Зная выдающуюся научную добросовѣстность г. Коновалова, доходящую до щепетильности, мы склонны даже думать, что онъ и еще нѣсколько промедлилъ бы съ соисканіемъ степени и, вѣроятно, сразу представилъ бы въ Совѣтъ Академіи оба выпуска первой части своего труда, въ качествѣ магистерской диссертаціи, еслибы надъ нимъ не тяготѣло одно чисто внѣшнее обстоятельство—еслибы надъ его головой не висѣлъ Дамокловъ мечъ стараго, но начавшаго дѣйствовать лишь недавно, параграфа академическаго устава, въ силу котораго и. д. доцента, не получившій въ теченіи двухъ лѣтъ со дня избранія на каѳедру, степени магистра богословія, теряетъ свои права на занимаемую каѳедру.

опредѣленъ и самый день диспута, именно, 24-е октября, вечеромъ. Не лишне, при этомъ, замѣтить, что о днѣ этого диспута, равно какъ и предшествовавшаго ему диспута И. М. Громогласова, было сдѣлано нѣсколько публикацій въ различныхъ, наиболѣе распространенныхъ ежедневныхъ Московскихъ газетахъ (см., напр., „Русскія Вѣдомости“ и „Голосъ Москвы“ 1908 г., 22 октября, №№ 254-е).

Диспутъ Д. Г. Коновалова происходилъ въ той-же, что и наканунѣ, первой аудиторіи и приблизительно при томъ же составѣ ученаго собранія, въ общемъ очень внушительнаго и для Посада довольно необычнаго. Открылся онъ въ 6 ч. 45 м. вечера традиціоннымъ прочтеніемъ краткаго curriculum vitae магистранта. — *Дмитрій Григорьевичъ Коноваловъ* — уроженецъ Могилевской губерніи, родился 4 октября 1876 года, низшее и среднее образованіе получилъ въ Мстиславскомъ духовномъ училищѣ и Могилевской духовной семинаріи, а высшее—въ Московской дух. Академіи, куда поступилъ первымъ студентомъ въ 1897 году. За время обученія въ Академіи, г. Коноваловъ обращалъ на себя особенное вниманіе своими выдающимися успѣхами въ письменныхъ работахъ: его кандидатское сочиненіе и шесть изъ девяти семестровыхъ сочиненій были отмѣчены исключительнымъ балломъ (5+) и удостоены самыхъ лестныхъ отзывовъ со стороны профессоровъ и тогдашняго Ректора Академіи епископа Арсенія (нынѣ архіепископа Псковскаго) [2]. Въ 1901 году г. Коноваловъ окончилъ курсъ Академіи первымъ магистрантомъ, былъ оставленъ профессорскимъ стипендіатомъ и тогда же единогласно избранъ Совѣтомъ для замѣщенія единственной въ то время вакантной каѳедры греческаго языка и его словесности. Для спеціальной подготовки къ означен-

---

[1]) Смотри, напримѣръ, обширный блестящій отзывъ проф. А. А. Спасскаго о кандидатскомъ сочиненіи г. Коновалова, напечатанный въ „Журналахъ засѣданій Совѣта Моск. д. Академіи за 1901 годъ“, с. 109—119. Въ заключеніе своего отзыва рецензентъ говоритъ: „Считаемъ долгомъ заявить, что мы еще не встрѣчали такого удачнаго сочетанія талантливости, трудолюбія, начитанности и умѣнья орудовать научными пріемами, соединеннаго съ полною самостоятельностью изслѣдованія, какое представляетъ собою разсмотрѣнное сочиненіе г. Коновалова... Изданное въ теперешнемъ своемъ видѣ, оно составило бы честь русской наукѣ“.

[2]) Отчетъ напечатанъ въ приложеніи къ „Журналамъ Совѣта Академіи за 1902 годъ“, с. 443—464.

ной каѳедрѣ г. Коноваловъ былъ командированъ Совѣтомъ Академіи на историко-филологическій факультетъ Московскаго Университета, гдѣ онъ пробылъ осенній семестръ 1901 года. Весенній семестръ 1902 года онъ провелъ въ занятіяхъ на томъ-же факультетѣ С.-Петербургскаго Университета. По представленіи отчета о своихъ занятіяхъ греческой филологіей и прочтеніи пробныхъ лекцій [1]), г. Коноваловъ былъ утвержденъ 15 сентября 1902 года исправляющимъ должность доцента по каѳедрѣ греческаго языка, которую и занимаетъ до сихъ поръ. Кромѣ того, съ 1907 года онъ состоитъ еще лекторомъ французскаго языка при Академіи [2]).

По прочтеніи секретаремъ Академіи curriculum vitae, на каѳедру взошелъ самъ диспутантъ и произнесъ рѣчь на тему: *„Психологія сектантскаго экстаза“* [3]). Содержаніе ея, говоря кратко, сводится къ слѣдующему.

Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ, по своей природѣ, есть не что иное, какъ „своеобразное *душевное волненіе*, разрядъ нервно-психическаго возбужденія, вызываемаго искусственными религіозными упражненіями, подготовляемаго суровымъ аскетическимъ режимомъ и обусловленнаго въ значительной мѣрѣ особенной психофизической организаціей самихъ сектантовъ—экстатиковъ“. Въ своемъ полномъ развитіи экстатическое волненіе сектантовъ слагается изъ трехъ моментовъ: умиленія, восторга и вдохновенія. Приступъ умиленія „нападаетъ“ на сектантовъ чаще всего подъ вліяніемъ неизъяснимой жалости, навѣваемой на нихъ трогательнымъ содержаніемъ проповѣди, слова Божія и особенно „распѣвцевъ“,—или подъ вліяніемъ живого чувства собственной грѣховности. Чувство жалости изливается въ обильныхъ слезахъ и нерѣдко сопровождается приливомъ необычайной взаимной нѣжности и любвеобилія. Чувство грѣховности вызываетъ у сектантовъ слезы сокрушенія, публичную исповѣдь грѣховъ и горячія мольбы о

---

[1]) Темы пробныхъ лекцій: а) „Миміамбы Герода“ и б) *Κοινὴ διάλεκτος*.

[2]) Краткій біографическій очеркъ Д. Г. Коновалова см. въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ за 1902 г., т. 3, с. 372—373 (*Б—скій*, Изъ академической жизни).

[3]) Она напечатана полностью въ Декабрьской книжкѣ *„Богосл. Вѣстника“* за 1908 годъ и вышла отдѣльнымъ изданіемъ. Сейчасъ печатается 2-е изданіе.

прощеніи ихъ. Разрѣшившись слезами, изъявленіями нѣжностей, въ исповѣди и молитвѣ, чувства умиленной жалости и сокрушенія оставляютъ въ душѣ сектанта ощущеніе необыкновенной легкости, подъема духа и радости. Распространяясь на тѣло, такое самочувствіе вызываетъ ощущеніе чрезвычайной тѣлесной легкости и подвижности. Сектанты ощущаютъ, какъ тѣло ихъ становится необыкновенно легкимъ, какъ ихъ „сердце, всѣ жилы и ноги радуются", „играютъ", „всѣ члены приходятъ въ движеніе", „начинаютъ веселиться". Въ этомъ состояніи сектанты предаются неудержимому ликованію или восторгу: улыбаются, смѣются, плачутъ слезами радости и, наконецъ, не чуя подъ собою ногъ, пускаются въ „духовный плясъ". По мѣрѣ усиленія тѣлодвиженій, растетъ и восторгъ сектантовъ. Одинъ хлыстъ, въ пылу экстатической пляски восклицалъ: „охъ, братцы, такая радость, что еслибы не потолокъ, то хватилъ бы выше звѣздъ небесныхъ"! „*Такимъ крайне возбужденнымъ, восторженнымъ, бурнымъ, страстнымъ характеромъ экстатическая радость русскихъ сектантовъ рѣзко отличается отъ тихой, мирной, хотя и глубоко проникающей, радости различныхъ мистиковъ — созерцателей, религіознымъ идеаломъ которыхъ является исихія (ἡσυχία), квіетизмъ. Наши сектанты—экстатики sui generis.*—Наконецъ, восторженная радость, постепенно нарастая, доводитъ сектантовъ до полнаго *изступленія, выхожденія изъ себя* или *экстаза въ собственномъ смыслѣ*. Будучи *„внѣ себя"*, они безпрепятственно подчиняются психическому автоматизму: бредятъ, произносятъ вдохновенныя пророчества, галлюцинируютъ и т. д.—Придя въ себя, послѣ пережитого эмоціональнаго урагана, сектанты испытываютъ облегченіе, которое, однако, соединяется съ ощущеніемъ истомы, разбитости, подчасъ полнаго изнеможенія и даже временнымъ параличемъ. Описанное экстатическое волненіе, по сравненію съ обыкновеннымъ душевнымъ волненіемъ, отличается: а) чрезмѣрнымъ развитіемъ своихъ физическихъ и психическихъ элементовъ, совсѣмъ не соотвѣтствующимъ моменту, обусловливающему его наступленіе, б) неестественнымъ соотношеніемъ между различными элементами волненія и в) наклонностью къ чрезмѣрной длительности. Наличность указанныхъ особенностей въ сектантскомъ экстазѣ позволяетъ охарактеризовать его, какъ *ненормальное* душевное волненіе, или частнѣе, какъ *ненормальную*

радость, въ виду господства въ немъ этой эмоціи. Подобнаго рода ненормальная радость встрѣчается и помимо сектантскаго экстаза: при опьяненіи алкоголемъ, гашимемъ и другими „ядами интеллекта“, въ эмоціональныхъ припадкахъ истеріи, въ кризахъ неврастениковъ и приступахъ маніакальнаго возбужденія у различныхъ душевно-больныхъ. Сами сектанты предпочитаютъ сравненіе своего экстаза съ алкогольнымъ опьяненіемъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ ненормальная радость возникаетъ на почвѣ повышенной нервной возбудимости. Такой возбудимостью отличаются и сектанты—экстатики. Обусловливается она многими и сложными причинами—болѣзнями, особенно нервыми, плохимъ питаніемъ, а также и суровымъ аскетическимъ режимомъ. Въ заключеніе ораторъ заявилъ, что, высказывая въ данный моментъ свой взглядъ на природу изучаемаго явленія, онъ имѣлъ въ виду создать возможно болѣе благопріятныя условія для предстоящей *бесѣды* по поводу его описанія физическихъ явленій въ картинѣ сектантскаго экстаза,—описанія, составляющаго содержаніе подлежащей защитѣ диссертаціи.

Бесѣда не замедлила наступить. Лишь только смолкли дружные аплодисменты, покрывшіе рѣчь диспутанта,—началъ свои возраженія первый оффиціальный оппонентъ, профессоръ психологіи П. П. Соколовъ.

Прежде чѣмъ формулировать свои возраженія, П. П. Соколовъ указалъ на свое „затруднительное положеніе“, какъ оппонента. Его, какъ психолога по спеціальности, особенно интересуетъ вопросъ о психологической природѣ сектантскаго экстаза. Между тѣмъ, предстоящій научный споръ по необходимости долженъ вращаться лишь въ предѣлахъ проявленій физическихъ сектантскаго экстаза, изученіемъ которыхъ авторъ ограничилъ пока свою задачу и, такимъ образомъ, заранѣе создалъ для своихъ оппонентовъ нѣчто въ родѣ „забронированнаго бюджета“, недоступнаго для критики: при всякой попыткѣ коснуться вопросовъ, выходящихъ за отмежеванные въ диссертаціи предѣлы, диспутантъ можетъ отвѣтить ссылкой на дальнѣйшія части своего труда.

Связанный необходимостью бесѣдовать лишь о томъ, что говорится въ диссертаціи, П. П. темой для своихъ возраженій избралъ вопросъ: насколько содержаніе книги соотвѣтствуетъ ея заглавію („Религіозный *экстазъ* въ русскомъ ми-

стическомъ сектантствѣ“) и подзаголовку („Физическія явленія въ *картинѣ* сектантскаго экстаза“)? Примѣнительно къ этой темѣ, онъ и построилъ свои главныя возраженія, предложивъ ихъ диспутанту въ формѣ двухъ довольно пространныхъ рѣчей.

1-е возраженіе П. П. Соколова. Всматриваясь въ физическую картину сектантскаго экстаза, описанную авторомъ, оппонентъ, по его словамъ, не находитъ въ ней экстаза. Высказавъ, далѣе, сожалѣніе, почему диссертація почти не касается вопроса о томъ, что такое религіозный экстазъ,—оппонентъ самъ перешелъ къ его рѣшенію. Чтобы опредѣлить понятіе экстаза, недостаточно опереться на простое этимологическое значеніе этого греческаго слова: его смыслъ настолько широкъ и неопредѣленъ, что, основываясь на немъ, подъ понятіе экстаза можно подвести самыя различныя явленія. Для этого нужно обратиться къ фактамъ, которые обыкновенно принято называть этимъ именемъ. За отсутствіемъ точныхъ описаній такихъ фактовъ въ дохристіанскомъ мірѣ, въ томъ числѣ у Плотина и Порфирія, и на православномъ востокѣ, гдѣ экстазъ никогда не игралъ сколько-нибудь значительной роли,—нужно обратиться за ними къ классической эпохѣ религіознаго экстаза—къ католическому средневѣковью. На западѣ въ средніе вѣка экстазъ былъ очень обычною формою религіозныхъ переживаній; онъ тамъ разрабатывался теоретически и культивировался практически, и нигдѣ не найти такого полнаго и точнаго изображенія не только психическихъ, но и физическихъ явленій экстаза, какъ въ біографіяхъ и автобіографіяхъ средневѣковыхъ католическихъ мистиковъ. Приведя, затѣмъ, подробныя описанія случаевъ экстаза у Кельнской экстатички Христины изъ Штумбеле (XIII в.), Катерины Сіенской (XIV в.), у Іосифа Копертинскаго (XVII в.) и у св. Терезы (XVI в.),—П. П. сдѣлалъ, на основаніи ихъ, краткое описаніе и характеристику „физической картины экстаза“. Послѣдняя, по его словамъ, не сложна и очень однообразна. Экстазъ иногда начинается летаргическимъ припадкомъ, напоминающимъ обыкновенный сонъ; затѣмъ, наступаетъ состояніе каталептической оцѣпенѣлости и безчувственности, и, наконецъ, слѣдуетъ періодъ экстатическихъ видѣній, во время которыхъ экстатикъ большею частью также продол-

жаетъ оставаться неподвижнымъ, хотя ригидность мышцъ и проходитъ. Послѣ этой стадіи видѣній постепенно начинается пробужденіе: члены экстатика мало по малу приходятъ въ движеніе, онъ начинаетъ говорить и реагируетъ на внѣшнія впечатлѣнія. Какъ видно, экстазъ поразительно сходенъ съ явленіями естественнаго сомнамбулизма и гипноза. Въ немъ легко различить даже три классическихъ періода гипноза, установленные школой Шарко: летаргію, каталепсію и сомнамбулизмъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Экстазъ—это автогипнозъ, и физическая картина экстаза—картина гипноза. Въ этой картинѣ нѣтъ никакихъ рѣзкихъ формъ двигательнаго возбужденія, эксцессовъ, бурныхъ проявленій. Напротивъ, ея характерной, постоянной, типической чертой является полная неподвижность субъекта. Совсѣмъ иную картину описываетъ диссертація: вмѣсто каталептической или гипнотической неподвижности, она изображаетъ рядъ двигательныхъ явленій и эксцессовъ. Очевидно, „въ ней нѣтъ или почти нѣтъ экстаза“. Но что же въ ней есть?—Описаніе картины сектантскихъ радѣній, т. е. сектантскихъ религіозныхъ собраній со всею совокупностью совершающихся во время нихъ явленій. Разнообразныя явленія, изъ которыхъ слагается эта картина, можно соединить въ 4 группы: 1) явленія продромальныя, т. е. предшествующія экстазу, и слѣдующія за нимъ; 2) экстазогенныя, или вызывающія экстазъ; 3) обнаруженія сильнаго религіознаго энтузіазма и 4) самой банальной истеріи. Диссертація описываетъ ихъ по схемѣ развитія припадка „большой истеріи“.

Правда, въ своей рѣчи диспутантъ назвалъ сектантскій экстазъ особеннымъ (sui generis), вѣроятно, имѣя въ виду его коллективный характеръ и отсутствіе у сектантовъ индивидуальныхъ формъ экстаза, въ родѣ наблюдаемыхъ у средневѣковыхъ мистиковъ. Но, во первыхъ, если сектантскій экстазъ радикально отличается отъ состоянія, которое обычно разумѣется подъ этимъ словомъ, то зачѣмъ называть его экстазомъ? Не лучше ли наименовать его религіознымъ возбужденіемъ или энтузіазмомъ? Во вторыхъ, нельзя отрицать наличности у сектантовъ подлинной, сомнамбулической формы экстаза въ индивидуальной формѣ. Случаи такого экстаза, въ видѣ явленій безпамятства, каталептической неподвижности, обморочныхъ и сноподобныхъ состояній, спо-

радически описаны въ самой диссертаціи, напр. на стр. 3 (экстатическіе припадки Радаева), 61 (экстазы Кутырева), 68—79 (экстатическія позы распятія) и 129—130 (паденіе сектантовъ безъ чувства на землю послѣ прыганья и пляски). Эти случаи дѣйствительно напоминаютъ картину экстаза и могутъ быть названы этимъ именемъ. Все остальное, о чемъ говорится въ книгѣ, не экстазъ, а лишь его обстановка.

Отвѣтъ Д. Г. Коновалова. Отсутствіе въ диссертаціи опредѣленія понятія религіознаго экстаза, о чемъ сожалѣетъ оппонентъ, допущено авторомъ вполнѣ сознательно и намѣренно, сообразно съ планомъ всего изслѣдованія. Иное дѣло имѣть опредѣленное понятіе о томъ, что такое религіозный экстазъ, другое—давать его опредѣленіе. Тогда какъ перваго вправѣ требовать отъ автора, пишущаго о проявленіяхъ религіознаго экстаза въ средѣ мистическаго сектантства,—второе для него совершенно не обязательно, какъ не входящее въ его прямую задачу. Сверхъ того, помѣщеніе вначалѣ книги особаго экскурса, посвященнаго разрѣшенію теоретическаго вопроса о сущности религіознаго экстаза, совершенно не гармонировало бы съ общимъ планомъ, положеннымъ авторомъ въ основу изложенія своего предмета: авторъ исходитъ отъ фактовъ, указываетъ сначала наглядные примѣры сектантскаго экстатическаго возбужденія, описываетъ, затѣмъ, на основаніи ихъ картину послѣдняго. Теоретическіе выводы о природѣ изслѣдуемаго явленія, которые, естественно, должны базироваться на описываемыхъ фактахъ, и въ изложеніи должны слѣдовать за ними, а не предварять ихъ. У автора возникалъ вопросъ при описаніи „*изступленныхъ*“ тѣлодвиженій сектантовъ, не сдѣлать ли примѣчаніе относительно значенія термина „изступленіе“ или „экстазъ“, но, въ силу указанныхъ соображеній, онъ и отъ этого отказался.

Развивая свой взглядъ подробнѣе, диспутантъ, заявилъ, что назвать сектантскую религіозную экзальтацію „экстазомъ“ онъ имѣлъ право, помимо другихъ основаній, уже по одному тому, что сами сектанты называютъ ее „изступленіемъ“, т. е. экстазомъ. Вопросъ другой, правильно или нѣтъ такое названіе. Разборомъ этого онъ предполагалъ заняться въ той дальнѣйшей части своего труда, которая будетъ трактовать о психологической природѣ сектантскаго

экстаза; но оппонентъ своимъ возраженіемъ поставилъ его въ необходимость кратко отвѣтить на постановленный вопросъ и въ данный моментъ.

Какъ видно изъ предъявленнаго возраженія, оппонентъ отрицаетъ наличность экстаза въ физической картинѣ сектантскаго религіознаго возбужденія, какъ ее изображаетъ диссертація,—на томъ основаніи, что она является *противоположностью* по сравненію съ *физической* картиной религіознаго экстаза, наблюдавшагося у средневѣковыхъ и позднѣйшихъ католическихъ мистиковъ: тамъ рядъ двигательныхъ явленій и эксцессовъ, здѣсь, напротивъ, неподвижность субъекта. Для выясненія этой противоположности, онъ нарисовалъ, по даннымъ, извлеченнымъ изъ біографій и автобіографій упомянутыхъ мистиковъ, общую физическую картину религіознаго экстаза и опредѣлилъ послѣдній, какъ автогипнозъ.

Трудно оспаривать чрезвычайно важное значеніе для изученія экстаза приведенныхъ оппонентамъ классическихъ примѣровъ, вѣрность нарисованной картины экстаза и его истолкованія. Примѣры эти, особенно заимствованный изъ автобіографіи св. Терезы, общеизвѣстны и, въ виду ихъ замѣчательной полноты, для западныхъ психологовъ съ давнихъ поръ неизмѣнно служатъ главнымъ источникомъ для изображенія экстатическихъ состояній, вмѣстѣ съ нѣкоторыми наблюденіями врачей, описанными въ разныхъ медицинскихъ журналахъ (Annales médico-psychologiques и др.) и сочиненіяхъ.

Но диспутантъ рѣшительно не видитъ основаній, почему именно только такую картину религіознаго автогипноза, какая наблюдалась у средневѣковыхъ и позднѣйшихъ католическихъ мистиковъ, слѣдуетъ считать единственно точнымъ и подлиннымъ изображеніемъ религіознаго экстаза вообще и, въ силу этого, отрицать наличность экстаза въ типичной и наиболѣе распространенной формѣ сектантской религіозной экзальтаціи. Вѣдь ссылка на особенную роль, какую игралъ религіозный экстазъ въ котолическомъ средневѣковьѣ, и на полноту описаній его, сохранившихся отъ тѣхъ временъ, не говоря уже о заключающемся въ ней преувеличеніи (на православномъ востокѣ, напр., экстазъ исихастовъ игралъ въ средніе вѣка не меньшую роль), —ни-

сколько не доказываетъ, что тамъ культивировался подлинный, настоящій, типичный экстазъ. Очевидно, нуженъ иной масштабъ для опредѣленія того, что такое настоящій экстазъ. Но гдѣ же его искать? Отвѣтъ на этотъ вопросъ вытекаетъ изъ анализа самаго термина „экстазъ". Слово это греческое, оно выросло на греческой почвѣ. Въ виду этого, разъ дѣло идетъ о выясненіи смысла даннаго термина, необходимо прежде всего обратиться къ древнимъ греческимъ источникамъ, какъ бы они ни были скудны, а не къ позднѣйшему католическому средневѣковью, какъ это дѣлаетъ оппонентъ,—не смотря на то, что отъ средневѣковыхъ католическихъ мистиковъ сохранились очень подробныя и превосходныя описанія экстатическихъ состояній. Если дѣйствительно обратиться къ древне-греческимъ источникамъ, то окажется, что слово ἔκστασις означало тамъ вообще своеобразное *душевное* состояніе—„бытіе внѣ себя", независимо отъ того, чѣмъ оно вызвано и въ какой внѣшней, физической формѣ выражалось: сопрягалось ли оно съ полной неподвижностью, или, наоборотъ, съ бурными тѣлодвиженіями, какъ у вакханокъ. Такое состояніе „бытія внѣ себя", соединенное чаще всего съ бурными, восторженными тѣлодвиженіями, переживаютъ и наши сектанты-мистики въ моменты сильнаго религіознаго возбужденія. Вотъ почему и онъ, диспутантъ, счелъ себя въ правѣ назвать это возбужденіе, заканчивающееся изступленіемъ,—именемъ *экстаза*.

При такой постановкѣ дѣла, вполнѣ опредѣляется спорное отношеніе между экстазомъ нашихъ сектантовъ и средневѣковыхъ мистиковъ: это—двѣ параллельныя, но не исключающія другъ друга *разновидности* (стеническая и астеническая) одного и того же явленія, двѣ формы экстаза, различающіяся между собой до противоположности съ физической стороны, но однородныя по существу съ психической, поскольку въ обѣихъ на лицо главный опредѣляющій признакъ — особое душевное состояніе „бытія внѣ себя". Такимъ образомъ, описанная оппонентомъ форма средневѣковаго экстаза, по мнѣнію Д. Г., не должна разсматриваться, какъ единственно типичное и подлинное выраженіе существа экстаза *вообще*, но лишь какъ одна разновидность послѣдняго. Эта разновидность—*рѣзко патологическая*. Ее слѣдуетъ называть каталептическимъ или сомнамбулическимъ экстазомъ. Въ дис-

сертаціи, дѣйствительно, пока „почти нѣтъ“ описанія этой разновидности, такъ какъ она рѣдко встрѣчается у сектантовъ, хотя и не чужда послѣднимъ даже въ своей чистой формѣ. Напр., въ одномъ судебномъ дѣлѣ о Самаркандскихъ хлыстахъ подробно разсказывается, какъ сектантка Яшина въ религіозныхъ собраніяхъ и внѣ ихъ самопроизвольно *засыпала*, становилась какъ бы „мертвой“ или „каменной“ руки и ноги у ней не сгибались, глаза были закрыты. Тогда къ ней подходилъ сектантъ, клалъ на ея грудь евангеліе бралъ за руку и обращался къ ней съ вопросами. При этомъ у спящей измѣнялось дыханіе и лицо: первое становилось тихимъ, не похожимъ на дыханіе спящаго человѣка а второе—свѣтлымъ, какъ будто нарисованнымъ на картинѣ Наконецъ, Яшина начинала отвѣчать на вопросы собесѣдника отъ имени св. Духа. Очнувшись, она „никогда не помнила, что говорила во снѣ“. Вотъ картина одной изъ разновидностей сектантскаго экстаза, совершенно тожественная съ описанной оппонентомъ. Въ ней также не трудно различить три фазы гипноза по схемѣ Шарко—летаргію, каталепсію и сомнамбулизмъ, съ послѣдующей амнезіей. Эта сомнамбулическая разновидность сектантскаго экстаза, вмѣстѣ съ другими (экстазомъ въ чистой формѣ припадка большой истеріи, начинающимся паденіемъ сектанта на землю, и въ формѣ такъ называемаго „обмиранія“ или синкопальнаго припадка истеріи), будетъ описана авторомъ во второй части изслѣдованія, которая, какъ видно изъ предисловія, будетъ трактовать о „природѣ и *разновидностяхъ* сектантскаго экстаза“.

Принявши одну изъ разновидностей экстаза (сомнамбулическій экстазъ) за экстазъ вообще и не находя такой разновидности въ диссертаціи, оппонентъ естественно, приходитъ къ выводу, что въ ней нѣтъ экстаза, и задается вопросомъ что же описано въ ней подъ именемъ „религіознаго экстаза въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ“? и отвѣчаетъ, что описаны по схемѣ „большой истеріи“ разнообразныя проявленія коллективнаго религіознаго *возбужденія* или *энтузіазма* царящаго въ сектантскихъ собраніяхъ, короче говоря, „картина сектантскихъ радѣній“.

Въ отвѣтъ на это утвержденіе оппонента, диспутантъ замѣтилъ слѣдующее. Подъ радѣніемъ у сектантовъ разумѣ

искусственныя религіозныя упражненія (молитва, чтеніе писанія, пѣніе, *искусственныя* тѣлодвиженія и т. п.), имѣющія цѣлью вызвать тѣ *автоматическія* проявленія нервнаго возбужденія, которыя описаны въ книгѣ. Говоря объ этихъ послѣднихъ явленіяхъ, онъ совсѣмъ не имѣлъ въ виду описывать исключительно коллективное религіозное возбужденіе сектантовъ. Его прежде всего интересовали индивидуальныя переживанія сектантовъ въ экстазѣ, независимо отъ того, при какихъ условіяхъ послѣдній наступаетъ: за общимъ радѣніемъ, или наединѣ; и картина сектантскаго экстаза изображена имъ не только по описаніямъ коллективнаго, но и индивидуальнаго, одиночнаго экстаза, напр., по описаніямъ Радаева, Мавры Ермаковой и многихъ другихъ. Что же касается наименованій „религіозное возбужденіе“ и „энтузіазмъ, то самъ авторъ въ своей книгѣ неоднократно пользуется ими для обозначенія описываемаго явленія, въ виду специфической природы сектантскаго экстаза—его возбужденнаго, восторженнаго характера. Но поставить одно изъ нихъ въ заглавіе книги, взамѣнъ слова экстазъ, онъ не рѣшился по слѣдующимъ соображеніямъ. „Религіозное возбужденіе“—понятіе слишкомъ широкое. Въ его объемъ, кромѣ экстаза и энтузіазма, входятъ всевозможные виды религіозной эксцитаціи, не исключая самыхъ элементарныхъ, несложныхъ. Такимъ образомъ, оно обнимаетъ явленія, которыя авторъ пока не считаетъ предметомъ своего изслѣдованія. Кромѣ того, поставленное въ заглавіи книги, оно внушало бы мысль, будто въ ней рѣчь идетъ о какомъ-то исключительномъ, массовомъ религіозномъ броженіи или движеніи среди сектантовъ. Слово „энтузіазмъ“, напротивъ, суживало бы задачу автора: за ея предѣлами оказались бы тѣ многочисленныя проявленія сектантской религіозной экзальтаціи, которыя производятъ парализующее или угнетающее дѣйствіе на мышечную систему. Помимо того, самое слово „энтузіазмъ“, греческое *ἐνθουσιασμός*, буквально значитъ „боговдохновенность“ или „богоодержимость“ (*ἐνθουσιᾶν* = *ἔνθεον γίνεσθαι*).—Наконецъ, замѣчаніе оппонента, будто физическія явленія религіознаго возбужденія сектантовъ описаны въ диссертаціи по схемѣ припадка большой истеріи, также нуждается въ серьезномъ ограниченіи. Схема „трехъ періодовъ возбужденія“, принятая авторомъ, есть прежде всего схема

развитія всякой сильной эмоціи, въ особенности ненормальной, осложняющейся истерическими явленіями. Если она имѣетъ нѣкоторое сходство съ той, которую изображали для истерическаго припадка Шарко и Рише, то объясняется это сходствомъ основныхъ моментовъ, по которымъ протекаютъ въ своемъ развитіи какъ сильная эмоція, такъ и истерическій припадокъ. Автору хорошо извѣстно, что схема Шарко-Рише новѣйшими невропатологами не считается въ точности соотвѣтствующей дѣйствительному теченію истерическаго припадка. Кромѣ того, онъ самъ лично наблюдалъ въ нервной клиникѣ Московскаго Университета припадки большой истеріи и убѣдился воочію, что названная схема слишкомъ искусственна и отмѣчаетъ послѣдовательность движенія, не вполнѣ согласную съ дѣйствительностью. Уже по одному этому основанію не раціонально было бы съ его стороны примѣнять ее цѣликомъ къ описанію сектантскаго экстаза.

Въ заключеніе изложеннаго обмѣна взглядовъ на значеніе термина „религіозный экстазъ“, проф. П. П. Соколовъ, переходя ко второму возраженію, сказалъ: „Въ концѣ концовъ это лишь вопросъ терминологіи и чтобы не говорить съ Вами въ нашей дальнѣйшей бесѣдѣ на разныхъ языкахъ, сохранимъ названіе *экстаза* не только за индивидуальными религіозными переживаніями сомнамбулическаго характера, но и за коллективными формами религіознаго возбужденія“.

2-е возраженіе П. П. Соколова было направлено противъ слѣдующихъ словъ на 4 страницѣ диссертаціи: „Въ виду *различія между отдѣльными случаями сектантскаго экстаза*, объясняемаго не только *естественнымъ разнообразіемъ въ его проявленіяхъ*, но и неодинаковой полнотой въ описаніяхъ послѣднихъ,—начертаніе полной, всеобъемлющей картины религіознаго экстаза въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ возможно лишь путемъ сопоставленія всѣхъ извѣстныхъ случаевъ его обнаруженія, выдающихся въ какомъ-нибудь отношеніи; полная *картина сектантскаго экстаза*, такимъ образомъ, неизбѣжно должна быть *сводной*“. Исходя изъ того положенія, что всякая картина, даже въ томъ случаѣ, когда художественный образъ есть типъ, выражающій въ себѣ отвлеченную идею, предполагаетъ изображеніе непремѣнно чего-нибудь цѣльнаго, индивидуальнаго и конкретнаго,—

П. П. заявилъ, что въ диссертаціи, гдѣ собраны „на протяженіи почти трехъ столѣтій“ всевозможные случаи сектантскаго экстаза, заимствованные у представителей различныхъ мистическихъ сектъ, и перемѣшаны между собой, а наблюдаемыя въ нихъ явленія описаны, какъ симптомы одного и того же состоянія, съ распредѣленіемъ по группамъ, чередующимся въ опредѣленномъ порядкѣ, онъ не находитъ картины сектантскаго экстаза. Если проявленія сектантскаго экстаза отличаются „естественнымъ разнообразіемъ“, если, другими словами, его формы индивидуальны, то о немъ нельзя дать конкретнаго понятія путемъ простого „сопоставленія всѣхъ извѣстныхъ случаевъ его обнаруженія“: „картина“ экстаза не можетъ быть „сводной“. Художникъ поступилъ бы совершенно противоестественно, еслибы вздумалъ сочетать въ своемъ изображеніи черты различныхъ историческихъ эпохъ и обстановокъ, различныхъ бытовыхъ и психологическихъ положеній, еслибы, напр., желая изобразить на своей картинѣ полководца, взялъ для этой цѣли отдѣльныя части тѣла, одежды, украшеній, доспѣховъ и т. д. у различныхъ знаменитыхъ полководцевъ стараго и новаго времени. По мнѣнію П. П., самымъ естественнымъ способомъ описанія проявленій сектантскаго экстаза было бы изображеніе ихъ по типамъ. Есть два общихъ типа сектантскаго экстаза: нормальный и патологическій. Первый обнаруживается въ слезахъ, умиленіи, молитвенныхъ восторгахъ, радостныхъ тѣлодвиженіяхъ и представляетъ въ общемъ такую же картину, какъ проявленія обыкновенной глубокой эмоціи. Второй заключаетъ въ себѣ очевидные элементы истеріи. Въ каждомъ изъ этихъ двухъ общихъ типовъ можно было-бы найти опредѣленныя разновидности, характеризующіяся со внѣшней стороны въ однихъ случаяхъ преобладаніемъ органическихъ рефлексовъ, а въ другихъ—развитіемъ внѣшнихъ движеній. Наконецъ, въ предѣлахъ этихъ разновидностей можно былобы отмѣтить особыя формы, какія принимаетъ экстазъ у представителей различныхъ мистическихъ сектъ, въ зависимости отъ ихъ религіозныхъ идей, экстазогенныхъ пріемовъ, психическихъ и даже физіологическихъ особенностей (напр., у скопцовъ). Разграниченіе двухъ общихъ типовъ экстаза (нормальнаго и патологическаго) опредѣленно намѣчается и въ самой диссертаціи, въ ея началѣ, на 2—3 страницахъ. Но

въ дальнѣйшемъ изложеніи отдѣляющая ихъ грань сглаживается и обѣ формы экстаза безъ различія утилизируются для построенія одной общей или „сводной“ картины этого состоянія. Правда, и при такомъ смѣшанномъ изображеніи типическія формы сектантскаго экстаза могли бы до извѣстной степени опредѣлиться и обособиться для читателя сами собой, еслибы онѣ были воспроизведены въ сколько нибудь цѣльномъ, конкретномъ видѣ. Но авторъ поступаетъ совершенно обратнымъ способомъ: поставивъ себѣ синтетическую задачу, онъ разрѣшаетъ ее чисто аналитическимъ путемъ. Желая сопоставить различные случаи сектантскаго экстаза, онъ разложилъ ихъ на физіологическіе ихъ элементы и разсортировалъ послѣдніе по соотвѣтствующимъ рубрикамъ. Въ результатѣ получилась очень детальная классификація и вполнѣ научный анализъ симптомовъ экстаза. Но классификація не—картина и анализъ не есть конкретное воспроизведеніе дѣйствительности. Физіологическіе элементы экстаза, взятые въ отдѣльности, уже перестаютъ составлять то цѣлое, изъ котораго они извлечены, и превращаются въ то, что они есть сами по себѣ, въ простые физіологическіе элементы. Собравъ различные случаи сектантскаго экстаза, авторъ собралъ множество этюдовъ для задуманной имъ картины. Но вмѣсто того, чтобы написать по нимъ картину, онъ снялъ съ полотна краски, разсортировалъ ихъ по оттѣнкамъ, разложилъ ихъ на палитрѣ и назвалъ эту систему красокъ картиной. Авторъ поступилъ подобно такому коллекціонеру-энтомологу, который, собираясь создать образцовую коллекцію бабочекъ, разложилъ-бы по отдѣльнымъ ящичкамъ ихъ membra disjecta. Онъ собралъ въ своей книгѣ богатую коллекцію физическихъ симптомовъ сектантскаго экстаза, разъединивши для этого своимъ анатомическимъ анализомъ различные конкретные случаи экстаза на составляющіе ихъ элементы. Правда, эти симптомы поставлены въ извѣстную взаимную связь при помощи общей схемы. Но схема не—картина.

Отвѣтъ Д. Г. Коновалова. Какъ бы ни казался несовершеннымъ способъ описанія картины сектантскаго экстаза, примѣненный въ диссертаціи, — другого, лучшаго, болѣе цѣлесообразнаго и естественнаго для даннаго случая диспутантъ не знаетъ и даже не считаетъ возможнымъ. Въ та-

кихъ случаяхъ, какъ настоящій, когда приходится, вслѣдствіе крайней неполноты и отрывочности матеріала, возсоздавать общую, типическую картину сектантскаго экстаза по кусочкамъ, *мозаически*, нѣтъ возможности обойтись безъ того пріема, который авторъ назвалъ „описаніемъ сводной картины“. Сущность этого пріема заключается въ томъ, что изслѣдователь, подобно коллекціонеру — энтомологу, тщательно собираетъ по возможности всѣ извѣстные случаи интересующаго явленія, когда-бы и гдѣ-бы они ни наблюдались, разлагаетъ ихъ, при помощи анализа, на составные элементы, опредѣляетъ, путемъ сопоставленія, сходство и различіе ихъ по моменту обнаруженія въ процессѣ явленія и по качеству или природѣ и, на основаніи добытыхъ результатовъ, вновь соединяетъ (синтезируетъ) раздѣленные анатомическимъ анализомъ элементы въ цѣльную картину, располагая ихъ въ томъ же порядкѣ и въ той же связи, въ какихъ они наблюдаются въ живой дѣйствительности. Особенность названнаго пріема, объясняемая неполнотой источниковъ, заключается въ томъ, что отдѣльныя части общей картины изображаются не всегда по даннымъ, извлекаемымъ изъ описаній однихъ и тѣхъ же случаевъ явленія; напротивъ, ей усвояются черты, наличность которыхъ засвидѣтельствована лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но не во всѣхъ, привлеченныхъ къ ея реконструкціи, разъ есть основаніе думать, что эти черты, зарегистрированныя лишь нѣкоторыми наблюдателями, въ дѣйствительности оказываются обычной принадлежностью даннаго явленія. Примѣнивши подобный пріемъ къ описанію картины сектантскаго экстаза, авторъ наименовалъ послѣднюю „сводной“. Названіе это, по мысли автора, должно указывать на то, что картина начертана на основаніи „свода“ или систематизаціи описаній всѣхъ извѣстныхъ случаевъ сектантскаго экстаза, безъ различія временъ, мѣстъ и сектъ, причемъ пробѣлы однихъ описаній восполнены свѣдѣніями изъ другихъ, а исключительные симптомы собраны и приведены въ качествѣ варьянтовъ. Оправданіемъ для начертанія такой „сводной картины“ служитъ поразительное *общее* сходство между отдѣльными случаями сектантскаго экстаза, наблюдавшимися на протяженіи почти трехъ столѣтій, въ различныхъ мѣстностяхъ европейской и азіатской Россіи, у представителей разнообразныхъ

мистическихъ сектъ. Сектантскій экстазъ—явленіе ненормальное, сплошь и рядомъ осложняющееся патологическими симптомами, а явленія такого рода, какъ извѣстно, чрезвычайно стереотипны, шаблонны, остаются неподвижными и устойчивыми въ теченіе вѣковъ и при смѣнѣ обстоятельствъ.

По поводу основной мысли возраженія проф. П. П. Соколова, будто диспутантъ въ своей книгѣ смѣшиваетъ два различныхъ типа сектантскаго экстаза—нормальный и патологическій, г. Коноваловъ рѣшительно заявилъ, что такого смѣшенія у него нѣтъ. Въ своей книгѣ онъ описываетъ пока только *одинъ* основной, общій, наиболѣе распространенный типъ сектантскаго экстаза, наиболѣе часто встрѣчающуюся его картину. Таковымъ онъ считаетъ экстазъ въ формѣ ненормальнаго душевнаго волненія, осложненнаго множествомъ истерическихъ и другихъ чисто болѣзненныхъ симптомовъ. Съ описанія случаевъ, дающихъ наглядное представленіе объ этомъ типѣ экстаза, начинается книга, и на ея первыхъ трехъ страницахъ совсѣмъ нѣтъ сообщеній о случаяхъ *нормальнаго* экстаза, о которыхъ говоритъ оппонентъ (см., напр., истерическое чередованіе слезъ и смѣха въ экстазѣ хлыста Зотова, с. 1). По мнѣнію диспутанта, самое понятіе „нормальнаго экстаза“ заключаетъ въ себѣ нѣкоторое contradictio in adjecto: экстазъ всегда означаетъ выхожденіе изъ нормы или нормальнаго состоянія. То-же, что оппонентъ предлагаетъ назвать „нормальнымъ“ экстазомъ, есть не болѣе, какъ „обыкновенная глубокая эмоція“.

Отвергая обвиненіе въ смѣшеніи двухъ различныхъ формъ экстаза при построеніи сводной его картины, диспутантъ вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что проявленія сектантскаго экстаза слѣдуетъ описывать *по типамъ*, и въ своей работѣ, насколько возможно, проводитъ этотъ принципъ. Въ основу своего изслѣдованія онъ положилъ упомянутый наиболѣе распространенный типъ сектантскаго экстаза, попутно отмѣчая разновидности (варьянты) въ его предѣлахъ и особыя формы, какія принимаетъ онъ въ различныхъ мистическихъ сектахъ (напр., преобладаніе прыганья у прыгуновъ, отсутствіе пророчествъ у Екатеринбургскихъ квакеровъ и т. п.). Когда будетъ закончено описаніе и анализъ этого типа, авторъ перейдетъ къ другимъ. Но и тогда ему неизбѣжно понадобится тотъ же пріемъ описанія „сводной картины“

экстаза, примѣнительно къ каждому изъ его типовъ. Характерно, по мнѣнію диспутанта, что подобнаго пріема не могъ избѣгнуть и самъ оппонентъ, когда ему понадобилось, въ предшествующемъ возраженіи, изобразить сомнамбулическій типъ экстаза: собравъ различные случаи сомнамбулическаго экстаза на протяженіи четырехъ столѣтій (XIII—XVI в.), онъ, путемъ сопоставленія ихъ, извлекъ сходныя черты, далъ общее описаніе физическихъ явленій экстаза, распредѣливши ихъ по тремъ послѣдовательнымъ періодамъ (летаргіи, каталепсіи и сомнамбулизма), и назвалъ это описаніе „физической *картиной* экстаза“.

По поводу замѣчанія проф. П. П. Соколова, что у автора анализъ слишкомъ преобладаетъ надъ синтезомъ и уничтожаетъ впечатлѣніе живой, цѣлостной „картины“ сектантскаго экстаза,—диспутантъ, во первыхъ, заявилъ слѣдующее. Замѣтное преобладаніе анализа въ диссертаціи вызывалось, между прочимъ, необходимостью устанавливать подлинный смыслъ многихъ метафорическихъ и вообще неясныхъ выраженій въ описаніяхъ симптомовъ сектантскаго экстаза, прежде чѣмъ вводить послѣдніе въ общую картину явленія (ср., напр., выраженія: „духъ трепещется въ животѣ“, „чтеніе писанія по гласу“ и т. п.). Но нельзя забывать, что разъединяющее вліяніе анализа парализовано въ диссертаціи созидательной работой синтеза, возстановляющаго естественную взаимную связь экстатическихъ симптомовъ. Выдѣленные анализомъ симптомы соединены авторомъ въ комплексы и группы, сообразно съ ихъ связью, наблюдаемой въ дѣйствительности, и, что всего важнѣе, распредѣлены въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ моментамъ ихъ реальнаго проявленія въ теченіи экстатическаго приступа. Такимъ образомъ, описаніе физическихъ симптомовъ сектантскаго экстаза въ диссертаціи даетъ *цѣльное* и *наглядное* представленіе о томъ, какъ въ дѣйствительности протекаетъ типичное экстатическое возбужденіе сектантовъ и изъ какихъ физическихъ элементовъ оно слагается. Вотъ почему авторъ и назвалъ свое описаніе „*картиной*“ экстаза, конечно, въ *переносномъ* смыслѣ, совсѣмъ не думая отожествлять ее съ картиной въ настоящемъ художественномъ смыслѣ слова. Такое примѣненіе слова „картина“ не составляетъ изобрѣтенія автора диссертаціи. Достаточно сослаться на медицинскую литературу,

гдѣ постоянно встрѣчается выраженіе „клиническая *картина* болѣзни“, чтобы убѣдиться въ этомъ. Между тѣмъ, оппонентъ въ своемъ возраженіи, повидимому, исходитъ отъ *буквальнаго* значенія слова „картина“, съ какимъ оно употребляется въ живописи. Само собой понятно, что такой картины онъ не нашелъ въ диссертаціи, гдѣ картина сектантскаго экстаза описывается научно, а не рисуется художественно.

3-е и послѣднее возраженіе П. П. Соколова, являясь дальнѣйшимъ развитіемъ второго, касалось нѣкоторыхъ повтореній, встрѣчающихся въ диссертаціи. Напр., въ ней о слезахъ и сродныхъ имъ секреторныхъ явленіяхъ говорится въ трехъ отдѣлахъ (с. 18—20; 20 и слѣд.; 33—34 и слѣд.), о крикахъ—на с. 35.., 38.., 127—128, о смѣхѣ рѣчь идетъ въ связи со слезами (с. 24—26) и въ параграфѣ о „смѣшанныхъ дыхательныхъ спазмахъ“ (с. 29—30). По мнѣнію П. П., эти и подобныя повторенія произошли отъ чрезмѣрной детализаціи принятыхъ авторомъ подраздѣленій и описаній. Между тѣмъ физическія обнаруженія сектантскаго экстаза такъ разнообразны и такъ тѣсно связаны между собой, что обособить ихъ другъ отъ друга и уложить въ точныя классификаціонныя рамки весьма трудное дѣло. Поэтому, лучше было-бы, во избѣжаніе повтореній, объединить сродные и близкіе другъ другу симптомы экстаза и описывать ихъ не какъ отдѣльные элементы, а какъ цѣлые комплексы, въ ихъ естественной связи и взаимодѣйствіи. Слишкомъ подробная классификація этихъ симптомовъ, конечно, свидѣтельствуетъ о тщательности, съ какою ихъ изучаетъ авторъ, и въ этомъ смыслѣ несомнѣнно составляетъ его заслугу; но въ то же время она является и недостаткомъ книги.

Отвѣтъ Д. Г. Коновалова. Упоминаніе объ однихъ и тѣхъ же физіологическихъ явленіяхъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ книги объясняется не чрезмѣрной детализаціей классификаціонной схемы, а повторяемостью самыхъ явленій (слезъ, смѣха, воздыханій, криковъ и т. д.) въ различные періоды сектантскаго экстаза и обнаруженіемъ ихъ не только въ видѣ отдѣльныхъ симптомовъ, но и въ *характерныхъ* сочетаніяхъ между собою (комплексахъ). Напр., непроизвольный смѣхъ встрѣчается во всѣхъ періодахъ сектантскаго экстаза и, сверхъ того, образуетъ иногда, въ сочетаніи съ слезами, очень своеобразный комплексъ, чрезвычайно важный для

опредѣленія природы самаго экстаза. Вотъ почему объ экстатическомъ смѣхѣ неизбѣжно приходилось говорить въ нѣсколькихъ рубрикахъ, и авторъ допустилъ бы несомнѣнную ошибку, еслибы, изъ опасенія упрека въ повтореніи, этого не сдѣлалъ, еслибы, напр., устранилъ изъ диссертаціи параграфъ о сочетаніи слезъ и смѣха. Такимъ образомъ, изъ допущенныхъ въ диссертаціи „повтореній“ видно, что авторъ заботился не объ одномъ безконечномъ дробленіи обнаруженій экстаза на ихъ физіологическіе элементы, но, гдѣ было нужно, описывалъ цѣлые комплексы симптомовъ, не разрывая ихъ естественной связи. Сохраняя нѣкоторые комплексы, авторъ руководился, какъ было указано, ихъ своеобразіемъ, существенно важнымъ для пониманія природы изучаемаго явленія.

Въ заключеніе своей продолжительной, почти двухчасовой ученой бесѣды съ диспутантомъ, какъ-бы резюмируя свои возраженія, проф. Соколовъ, прежде всего отмѣтилъ, что всѣ они касаются не столько самаго существа дѣла, сколько метода работы автора, его формулъ и внѣшнихъ пріемовъ изслѣдованія. Но въ области такихъ сложныхъ, неясныхъ и мало изученныхъ явленій, какъ сектантскій экстазъ, вопросъ о методѣ всегда бываетъ спорнымъ; тѣмъ болѣе спорны формулы. „Поэтому,—говорилъ проф. П. П. Соколовъ,—какъ бы ни расходились въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ наши взгляды, я не могу отвергать одного: законности Вашихъ точекъ зрѣнія. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Вы имѣли право понять предметъ Вашей работы такъ, какъ Вы его поняли, и изслѣдовать его такъ, какъ Вы его изслѣдовали. А разъ мы допустимъ Ваши исходныя точки и Вашъ методъ, Ваша книга является замѣчательною. Вы сдѣлали первую систематическую попытку научно разобраться въ томъ своеобразномъ комплексѣ явленій, который Вы назвали сектантскимъ экстазомъ; и Вы выполнили эту попытку съ такими громадными знаніями, съ такой широтой научнаго кругозора, съ такою тщательностью анализа и стройностью синтеза, которыя въ диссертаціяхъ встрѣчаются лишь въ видѣ исключенія. Въ своемъ оффиціальномъ отзывѣ я назвалъ Вашу работу *научнымъ событіемъ* въ области русскаго сектовѣдѣнія, и теперь мнѣ пріятно еще разъ засвидѣтельствовать это мое мнѣніе передъ настоящимъ достопочтеннымъ собраніемъ“.

Къ этому проф. Соколовъ присоединилъ горячее пожеланіе автору, чтобы онъ получилъ, наконецъ, возможность непосредственнаго личнаго знакомства съ сектантскимъ міромъ, и вообще, чтобы его дальнѣйшая работа протекала при болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Заключительныя слова проф. П. П. Соколова были покрыты громкими аплодисментами аудиторіи, послѣ чего диспутантъ въ краткихъ словахъ поблагодарилъ своего оппонента за очень внимательное отношеніе къ диссертаціи и заявилъ, что, въ связи съ критическими замѣчаніями П. П.-ча, онъ вновь продумаетъ схему, положенную въ основу своего произведенія.

Второй оффиціальный оппонентъ, И. М. Громогласовъ, началъ выраженіемъ сожалѣнія о томъ, что онъ не можетъ, не выходя изъ порученной ему роли присяжнаго обвинителя, подробно остановиться на выдающихся достоинствахъ работы г. Коновалова: обиліи привлеченнаго къ изслѣдованію первостепенно-цѣннаго рукописнаго матеріала, массѣ новыхъ и чрезвычайно интересныхъ фактическихъ данныхъ, впервые вводимыхъ въ научный оборотъ, замѣчательно стройной и продуманной системѣ, въ какой они сведены, тонкости сдѣланныхъ наблюденій и важности уже теперь ясно намѣчающихся выводовъ по цѣлому ряду первостепенныхъ вопросовъ сектовѣдѣнія (въ частности—по вопросу о происхожденіи основныхъ формъ русскаго мистическаго сектантства). Это тѣмъ болѣе непріятно для оппонента, что заготовленный имъ не длинный списокъ возраженій подвергся значительному сокращенію по мѣрѣ того, какъ развивалась бесѣда диспутанта съ предыдущимъ возражателемъ, такъ что въ концѣ концовъ изъ всего обвинительнаго матеріала осталось только два не возраженія, а скорѣе — недоумѣнія, которыя желательно было бы уяснить, да еще двѣ-три мелкихъ „придирки“ къ неточностямъ или недосмотрамъ, неизбѣжнымъ во всякой работѣ.

Сущность перваго недоумѣнія, предъявленнаго затѣмъ диспутанту, сводилась къ тому, какъ смотритъ онъ на общую массу послѣдователей разнообразныхъ формъ мистическаго сектантства, признавая характерною чертою его религіозный экстазъ. Въ картинѣ послѣдняго, данной въ разсматриваемомъ изслѣдованіи, видное мѣсто занимаетъ цѣлый рядъ

патологическихъ моментовъ. Не скрывается ли за этимъ мысль, что вся сущность мистическаго сектантства въ психопатологіи, и что общины сектантовъ - мистиковъ состоятъ исключительно изъ нервно и душевно-больныхъ субъектовъ? Такое воззрѣніе представляло бы крайность, съ которой оппонентъ рѣшительно не находилъ возможнымъ согласиться.

На это возраженіе, признавая особенную его серьезность, Д. Г. Коноваловъ далъ довольно подробный и обстоятельный отвѣтъ, который сводился къ слѣдующему. Прежде всего, сильнаго ограниченія требуетъ мысль, будто авторъ диссертаціи считаетъ религіозный экстазъ, наблюдаемый въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ, явленіемъ совершенно и всецѣло патологическимъ, болѣзненнымъ. Въ своей рѣчи онъ опредѣлилъ сектантскій экстазъ лишь, какъ „*ненормальное* душевное волненіе“; а терминъ „ненормальный“ еще не значитъ непремѣнно „больной“ или „патологическій“ въ общепринятомъ смыслѣ этихъ словъ. Затѣмъ, въ сектантской средѣ нужно строго различать отдѣльныхъ субъектовъ—специфическихъ экстатиковъ—отъ общей массы, группирующейся вокругъ нихъ. И если первыхъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, нельзя не признать людьми ненормальными, нервно или душевно-больными, то рядовую сектантскую массу и съ точки зрѣнія диспутанта нѣтъ надобности считать непремѣнно сплошнымъ подборомъ болѣзненныхъ личностей. Соотношеніе между числомъ настоящихъ экстатиковъ и рядовыхъ членовъ въ отдѣльныхъ сектантскихъ общинахъ бываетъ различнымъ. Крайностями нужно считать случаи, когда въ цѣлыхъ сектантскихъ общинахъ, не смотря на все усердіе сектантовъ въ радѣніи, не находится человѣка, способнаго войти въ экстатическое состояніе, когда „духъ“ не накатываетъ ни на кого изъ радѣющихъ, очевидно, за отсутствіемъ нерво-возбудимыхъ субъектовъ, наклонныхъ легко „выходить изъ себя“, изъ предѣловъ обычной нормы. Въ такихъ случаяхъ сектанты обращаются на сторону, приглашаютъ „пророковъ“ изъ другихъ кораблей, иногда издалека. Напр., Царевскіе хлысты (Астрах. г.) привозили однажды пророка изъ Черноморья, потерявши надежду собственными силами войти въ общеніе съ Духомъ Святымъ. Равнымъ образомъ исключительными случаями нужно признать и тѣ, когда экстазъ овладѣваетъ всѣми участниками молитвенныхъ собраній. Это наблюдается преиму-

щественно въ эпохи религіозно-экстатическихъ эпидемій среди сектантовъ, когда ихъ возбужденіе бываетъ чрезмѣрнымъ. Но въ обычныхъ условіяхъ настоящій религіозный экстазъ оказывается переживаніемъ, не всегда и далеко не для всѣхъ сектантовъ общедоступнымъ. Нѣкоторые сектанты, по собственному ихъ признанію, удостоиваются посѣщенія экстаза не болѣе одного раза въ жизни, чрезъ десятки лѣтъ по вступленіи въ секту.—Что же, спрашивается, привлекаетъ и удерживаетъ въ сектантской средѣ эти натуры, очевидно нормальныя, чуждыя надлежащей нервной возбудимости, разъ имъ почти не доступенъ настоящій экстазъ, являющійся, по словамъ автора диссертаціи, „дѣйствительнымъ выраженіемъ существа религіи“ русскаго мистическаго сектантства? Игнорируя случаи, когда вступленіе отдѣльныхъ лицъ въ ряды сектантовъ-мистиковъ ничего общаго съ религіей не имѣетъ, можно сказать, что связь людей, совершенно нормальныхъ въ нервно-психическомъ отношеніи, съ названными сектантами объясняется доступностью и для такихъ людей простой религіозной *экзальтаціи*, совершенно аналогичной съ волненіями, составляющими начальныя фазы настоящаго экстаза. Эта религіозная экзальтація, слагающаяся изъ чувствъ умиленія, облегченія и радости, является состояніемъ въ высокой степени пріятнымъ, утѣшительнымъ, особенно для людей, которымъ пришлось много выстрадать на своемъ вѣку. Вотъ примѣръ. Харьковскій профессоръ-психіатръ Анфимовъ, въ своей экспертизѣ о Супоневскихъ хлыстахъ, приводитъ слова одной изъ освидѣтельствованныхъ имъ сектантокъ, которую онъ призналъ *совершенно здоровой*: „*Много я видѣла на своемъ вѣку горя*, потеряла почти всѣхъ дѣтей; *бывало у меня часто на душѣ тяжело*; я ходила на хлыстовскія моленія; они *нравились мнѣ, потому что на душѣ становилось легче*“. Сектантскія радѣнія тѣмъ и привлекательны для народа, что тамъ, подъ вліяніемъ сильныхъ экстазирующихъ средствъ (воодушевленной проповѣди и молитвы, умиленнаго чтенія св. писанія, своеобразнаго пѣнія, плясокъ и пророчествъ) и особенно подъ впечатлѣніемъ экстатическаго возбужденія нѣкоторыхъ участниковъ,—даже мало возбудимый человѣкъ невольно заражается общимъ повышеннымъ настроеніемъ, приходитъ въ экзальтацію, соединяющуюся съ очень пріятнымъ самочувствіемъ. Безъ этого утѣшительнаго

возбужденія, близко граничащаго съ экстазомъ, мистическія секты, по словамъ одного бывшаго хлыста, были бы „ничтожны“.

Въ качествѣ второго своего „недоумѣнія“ г. Громогласовъ предложилъ диспутанту вопросъ, какимъ образомъ оказывается возможнымъ примиреніе, повидимому, совсѣмъ непримиримаго: различныхъ болѣзненно-экстатическихъ явленій (конвульсій, судорогъ) съ переживаніемъ сектантами пріятныхъ ощущеній (тѣлесной и душевной легкости, умиленія, радости и т. п.) въ состояніи религіознаго экстаза?

По поводу этого недоумѣнія, Д. Г. Коноваловъ сдѣлалъ слѣдующія разъясненія. Какъ бы ни казалось парадоксальнымъ и неестественнымъ сочетаніе необыкновенно пріятнаго самочувствія съ физическими проявленіями ненормальнаго и прямо болѣзненнаго перевозбужденія нервной системы,— но это неоспоримый фактъ, хотя пока не объясненный наукой. Подобное сочетаніе наблюдается и помимо сектантскаго экстаза. По словамъ знаменитаго подвижника, епископа Ѳеофана Затворника, при „художественномъ“ совершеніи молитвы Іисусовой, когда молящійся нѣсколько стѣсняетъ дыханіе и сводитъ къ груди напряженіе мышцъ, онъ иногда испытываетъ „*пріятное*“ раздраженіе нервовъ. У людей „слаботѣлыхъ, нервныхъ“ это раздраженіе входитъ глубже въ нервы и начинаетъ отражаться въ мускулахъ: происходятъ легкія движенія, тоже *пріятныя*, которыя, усиливаясь, переходятъ въ замѣтныя трясенія. Недавно диспутантомъ, послѣ продолжительныхъ поисковъ, найдена чрезвычайно интересная рукопись „*О 78 молитвенныхъ дѣйствіяхъ, бывшихъ въ Сибирскомъ монахѣ-подвижникѣ Василискѣ*“. Рукопись составлена сподвижникомъ Василиска, Зосимой Верховскимъ, причемъ первый самъ просматривалъ ее и поправлялъ. Какъ видно изъ этой рукописи, Василискъ, творя „художественно“ молитву Іисусову, испытывалъ необычайно сильное трепетаніе сердца („сердце его начинало трепетать, потомъ колебаться и какъ будто бы металось во всѣ стороны“), сильнѣйшее колебаніе головы и сотрясеніе всего тѣла, такъ что едва могъ усидѣть на мѣстѣ. И замѣчательно, что столь крайнее физическое возбужденіе, обыкновенно сопровождающееся у другихъ людей и въ иныхъ условіяхъ соотвѣтствующимъ интенсивнымъ ощу-

щеніемъ физической боли и страданія,—у Василиска соединялось съ живѣйшимъ ощущеніемъ неизъяснимой *„сладости“* въ сердцѣ и во всѣхъ членахъ, чувствомъ умиленія, легкости и радости. Внѣ религіозной сферы, подобное состояніе встрѣчается при раздраженіи нервной системы наркотическими веществами, во многихъ случаяхъ такъ называемаго „наслажденія страданіемъ“, иногда въ предсмертныя минуты (эйфорія умирающихъ), въ обморочныхъ состояніяхъ, въ моментъ гипнотическаго засыпанія, въ приступахъ маніакальнаго возбужденія у разнаго рода душевно-больныхъ, въ нѣкоторыхъ припадкахъ истеріи и эпилепсіи. Напр., Достоевскій, описывая въ романѣ „Идіотъ“ эпилептическій припадокъ, говоритъ, что князь Мышкинъ въ самый послѣдній сознательный моментъ предъ припадкомъ испытывалъ *реальнѣйшее ощущеніе безпредѣльнаго счастья.* Таковы факты. Они еще ждутъ своего объясненія. Если оно будетъ найдено, то получитъ полное разрѣшеніе и представленное оппонентомъ недоумѣніе.

И. М. Громогласовъ сдѣлалъ еще три мелкихъ замѣчанія по поводу отдѣльныхъ сообщеній, приводимыхъ въ диссертаціи. Онъ обратилъ вниманіе, прежде всего, на курьезное показаніе Тамбовскаго хлыста Токарева о томъ, какъ онъ прикладывалъ руку къ сердцу спящей жены, предварительно ее перекрестивши, и, когда ощущалъ „внутри ея трепетъ“, заключалъ, что это „Духъ радуется слову Божію и любови“ (стр. 46). Д. Г. Коноваловъ согласился, что описанный здѣсь опытъ представляется дѣйствительно курьезнымъ, но его нельзя назвать невѣроятнымъ. Въ доказательство возможности такого опыта, Д. Г. сослался на аналогичный фактъ изъ житія ранѣе имъ упомянутаго Сибирскаго подвижника Василиска. Тамъ разсказывается, какъ одинъ боголюбивый отецъ, узнавши, что Василискъ совершаетъ молитву Іисусову очень медленно, посовѣтовалъ ему произносить слова молитвы нѣсколько поспѣшнѣе, увѣряя, что чрезъ это удобнѣе отражаются суетные помыслы. При этомъ, онъ, *приложа руку свою къ сердцу Василиска, наблюдалъ движеніе и біеніе сердца его* при болѣе быстромъ произношеніи молитвенныхъ словъ, но, ничего особеннаго не ощутивъ, велѣлъ ему по своему навыку производить молитву. Василискъ началъ, и вдругъ вскипѣла благодатная сладость въ его сердцѣ, которое во-

стрепетало и начало биться во всѣ стороны. Когда это ощутилъ упомянутый старецъ, онъ сказалъ Василиску: „Блаженъ ты, отче! твори и подвизайся, какъ наставилъ тебя Господь“. О такомъ пріемѣ, практикующемся среди подвижниковъ, легко могли знать Тамбовскіе хлысты половины XIX вѣка, какъ изъ личныхъ бесѣдъ съ разными подвижниками, такъ изъ аскетическихъ сочиненій, которыя, вообще, въ большомъ почетѣ у сектантовъ—мистиковъ. Напр., тѣ же Тамбовскіе хлысты зачитывались книгой св. Тихона Воронежскаго „О должностяхъ христіанина“ и находили въ ней обоснованіе почти всѣхъ пунктовъ своего ученія.

Затѣмъ, И. М. Громогласовъ прочелъ изъ диссертаціи приведенную въ ней „сцену поборонія нечистой силы дѣйствіемъ св. Духа“, сцену, которую изобразилъ на моленіи Закавказскихъ прыгуновъ новообращенный въ ихъ секту *армянинъ* Хачатуръ (стр. 133—134),—и поставилъ вопросъ: дѣйствительно ли армянинъ Хачатуръ въ этотъ моментъ былъ въ состояніи экстаза, или, быть можетъ, эта сцена была имъ разыграна умышленно? Диспутантъ отвѣтилъ, что описаніе этой сцены имъ заимствовано изъ книги *Дингельштедта* „Закавказскіе сектанты“, гдѣ есть указаніе о томъ, что Хачатуръ дѣйствительно былъ „въ духѣ“, когда на моленіи изображалъ описанную сцену (стр. 11—12).

Послѣднее замѣчаніе И. М. Громогласова касалось примѣчанія на страницѣ 148-й, гдѣ Tholuck отнесенъ къ числу *„новѣйшихъ“* ученыхъ, со ссылкой на его сочиненіе, напечатанное въ 1821 году. Диспутантъ пояснилъ, что „новѣйшимъ“ ученымъ онъ назвалъ Tholuck'a по сравненію съ Аристотелемъ, о которомъ рѣчь идетъ вначалѣ того-же примѣчанія.

Въ заключеніе И. М. Громогласовъ привѣтствовалъ своего собесѣдника, какъ автора замѣчательнаго по своимъ качествамъ ученаго труда, появившагося, къ тому же, весьма кстати и своевременно. Нужда въ научной разработкѣ вопросовъ о русскомъ сектантствѣ никогда еще не сознавалась такъ ясно и настоятельно, какъ теперь. Этимъ сознаніемъ подсказано, между прочимъ, постановленіе недавняго всероссійскаго миссіонерскаго съѣзда въ Кіевѣ о необходимости открытія при всѣхъ духовныхъ академіяхъ особой каѳедры сектовѣдѣнія. Но честь первенства въ этомъ важномъ дѣлѣ

принадлежитъ собственно Московской академіи или, точнѣе ея высшему іерархическому руководителю, по иниціативѣ котораго у насъ еще три года тому назадъ Высочайше утверждена названная каѳедра и тогда же академическимъ Совѣтомъ единогласно избранъ первый ея замѣститель въ лицѣ Д. Г. Коновалова. И академическій совѣтъ зналъ, что дѣлалъ, избирая г. Коновалова на каѳедру сектовѣдѣнія, такъ какъ разсматриваемой работой диспутантъ блестяще оправдалъ мнѣніе о немъ, выраженное въ совѣтскомъ постановленіи. Остается пожелать, чтобы, достойно увѣнчанный ученою степенью за свой весьма цѣнный трудъ по изученію русскаго сектантства, онъ получилъ возможность, съ переходомъ на соотвѣтствующую каѳедру, безраздѣльно отдаться разработкѣ излюбленной имъ, только еще зарождающейся у насъ отрасли научно-богословскаго знанія.

Когда оффиціальные оппоненты закончили свои возраженія, предсѣдатель собранія, Преосвященный Ректоръ Академіи, обратился къ присутствующимъ съ предложеніемъ, не пожелаетъ ли кто-нибудь изъ нихъ сдѣлать диспутанту возраженія съ своей стороны. На его предложеніе первымъ отозвался *С. П. Мельгуновъ*, небезызвѣстный писатель-публицистъ по вопросамъ русскаго раскола и сектантства [1]).

Г. Мельгуновъ съ самаго-же начала заявилъ, что онъ вполнѣ присоединяется къ лестнымъ отзывамъ о диссертаціи г. Коновалова его оффиціальныхъ оппонентовъ, и если все же беретъ на себя смѣлость нѣсколько затянуть диспутъ, то дѣлаетъ это единственно съ тою цѣлью, чтобы высказать автору рядъ предостереженій и пожеланій, въ интересахъ его дальнѣйшей работы. „Русское сектантство, говорилъ г. Мельгуновъ, это—не только важное религіозное, но и крупное общественное явленіе. Оно вполнѣ заслуживаетъ самаго добросовѣстнаго и серьезнаго научнаго изученія. А между тѣмъ науки сектовѣдѣнія у насъ, какъ это ни грустно, до сихъ поръ еще не было и нѣтъ. Самое большее, что мы теперь имѣемъ, это—лишь матеріалъ для будущей науки. Таковы, напр. и всѣ труды наиболѣе извѣстныхъ у насъ пи-

---

[1]) Часть многочисленныхъ статей *С. П. Мельгунова* по вопросамъ старообрядчества и сектантства издана имъ отдѣльнымъ сборникомъ подъ заглавіемъ: „Церковь и государство въ Россіи“, Москва, 1907.

сателей и историковъ сектантства: Пыпина, Бобрищева-Пушкина, проф. Милюкова, Пругавина и др. О русскомъ сектантствѣ, правда, еще писали у насъ и различные духовные авторы. Но трудамъ этихъ писателей, къ сожалѣнію, приходится отказать даже и въ значеніи сколько-нибудь пригоднаго матеріала. Зависитъ это отъ того, что работы духовныхъ писателей рѣзко окрашены полемикой, проникнуты духомъ нетерпимости и лишены истинно-научнаго объективизма. А между тѣмъ сектантство, какъ явленіе религіозное по самой своей природѣ, требуетъ, именно, богословски образованнаго изслѣдователя. Я по собственному опыту знаю, какъ трудно въ этой области работать лицу, не получившему спеціальнаго образованія. И вотъ, въ лицѣ Васъ, Д. Г., я и хотѣлъ-бы привѣтствовать, именно такого крайне нужнаго и полезнаго для дѣла работника, который-бы съ прекраснымъ спеціальнымъ образованіемъ соединялъ бы и просвѣщенную широту и научность взглядовъ. Своей настоящей работой Вы доказали, что стоите на вѣрномъ пути и можете оправдать мои лучшія надежды. Но я позволю себѣ высказать Вамъ и нѣкоторыя предостереженія, которыя, надѣюсь, будутъ Вамъ небезполезны въ Вашей послѣдующей работѣ по сектантству. Прежде всего я хотѣлъ еще больше усугубить Вашу осторожность въ пользованіи матеріаломъ. Вы, какъ и сами заявили, еще не имѣете непосредственнаго личнаго знакомства съ мистическимъ сектанствомъ, а принуждены судить о немъ по отзывамъ другихъ лицъ, или по дѣламъ окружныхъ судовъ и консисторій. Но кто-же не знаетъ, какъ много пристрастнаго и субъективнаго въ освѣщеніе дѣла вноситъ большинство, такъ называемыхъ, „достовѣрныхъ свидѣтелей-очевидцевъ?“ Нельзя въ данномъ случаѣ довѣрять и судебной экспертизѣ. Недоброкачественность подобнаго матеріала удостовѣрена такимъ, болѣе чѣмъ умѣреннымъ, авторитетомъ, какъ проф. Ивановскій, такъ что нужна крайняя критическая осторожность въ пользованіи подобными источниками: они носятъ слишкомъ специфическій характеръ. Мнѣ кажется, что Вы не всегда достаточно анализируете тотъ обильный матеріалъ, которымъ Вы пользуетесь. Такимъ образомъ, Вы можете нарисовать картину, не всегда соотвѣтствующую дѣйствительности. Опасность эта вытекаетъ отчасти изъ особенности,

свойственной предмету, Вами изучаемому. Сектантство—явленіе жизни, а потому чрезвычайно трудно подвести его подъ обычныя рубрики. Принятая терминологія (дѣленіе на раціоналистическое и мистическое, на евангелическое и духовное сектантство) по необходимости носитъ чрезвычайно искусственный характеръ. Сектантская идеологія не представляетъ чего-либо установившагося; это вѣчно текущая рѣка. Каждая сектантская ячейка переживаетъ самыя разнообразныя эволюціи. Отсюда трудность обобщенія и выводовъ. Еще большую опасность представляетъ пользованіе сравнительнымъ методомъ безъ достаточнаго критическаго анализа, стремленіе установить извѣстную историческую преемственность, какъ это дѣлали нѣкоторые изъ Вашихъ предшественниковъ въ работахъ о хлыстахъ. Недостаточно отчетливое отношеніе въ данномъ случаѣ приводило къ грубымъ искаженіямъ наблюдаемой дѣйствительности. Между тѣмъ, по отношенію къ такъ называемому мистическому сектантству, съ которымъ у насъ такъ часто связываютъ, и нерѣдко безъ всякихъ основаній, проявленія различныхъ безнравственныхъ дѣйствій, надо быть особенно осторожнымъ въ выводахъ. Эти выводы затрогиваютъ жизненную практику и до сихъ поръ тяжело отзывались на интересахъ значительной группы людей. Въ наши дни, когда на очереди стоитъ вопросъ о реформированіи отечественнаго законодательства въ области вѣроисповѣдныхъ отношеній несомнѣнно Вашей работой будетъ пользоваться законодатель при опредѣленіи своего отношенія къ такъ называемымъ, по терминологіи современнаго кодекса, „изувѣрнымъ сектамъ“.

Нельзя также не отмѣтить въ Вашей работѣ одну тенденцію—чрезмѣрное увлеченіе данными психіатріи. Окончательныхъ выводовъ въ ней еще нѣтъ, а потому и хотѣлось бы предостеречь Васъ отъ тѣхъ слишкомъ рискованныхъ заключеній, какіе допускаютъ нѣкоторые изъ нашихъ психіатровъ, занимавшихся изученіемъ сектантства: я говорю о трактованіи религіозно-психическихъ эпидемій проф. Сикорскимъ и д-ромъ Якобіемъ. Они чуть ли не склонны всѣхъ сектантовъ считать какими-то параноиками и дегенератами; а вѣдь это, конечно, не отвѣчаетъ истинѣ.

Наконецъ, я долженъ отмѣтить, что Вы, при изученіи русскаго мистическаго сектантства, слишкомъ исключительно

сосредоточиваясь на одномъ психопатологическомъ факторѣ, игнорируете многіе другіе, играющіе здѣсь огромную роль, взять хотя-бы соціально-экономическій факторъ. Но въ общемъ,—закончилъ свою рѣчь г. Мельгуновъ,—я признаю за Вашей книгой выдающіяся достоинства и привѣтствую ее, какъ первый опытъ истинно-научной разработки вопросовъ русскаго сектантства. Я бы выразилъ пожеланіе, чтобы Ваша дальнѣйшая работа, изъ которой мы познакомимся съ выводами диссертаціи, поскорѣе увидала бы свѣтъ и чтобы Вы исполнили свое обѣщаніе опубликовать собранный матеріалъ. Этимъ самымъ Вы внесете крупный вкладъ въ науку".

Диспутантъ, поблагодаривъ г. Мельгунова за лестный отзывъ, предостереженія и благожеланія, заявилъ, что онъ вовсе не склоненъ игнорировать значеніе соціально-экономическаго фактора въ жизни сектантовъ и переоцѣнивать роль психопатологическаго. Это будетъ видно изъ послѣдующихъ выпусковъ его труда, гдѣ будетъ рѣчь о происхожденіи русскаго мистическаго сектантства, его распространеніи и жизучести. Коснувшись сдѣланной оппонентомъ оцѣнки источниковъ, по которымъ написана диссертація, Д. Г. заявилъ, что не раздѣляетъ пессимистическаго взгляда на ихъ доброкачественность. Судебныя дѣла о сектантахъ содержатъ множество великолѣпныхъ и безусловно достовѣрныхъ сообщеній, подтверждаемыхъ единогласными показаніями цѣлыхъ десятковъ и сотенъ свидѣтелей, непосредственныхъ очевидцевъ или участниковъ сектантскихъ радѣній. Нѣкоторыя показанія описываютъ такія детали сектантской религіозной экзальтаціи, при чтеніи которыхъ исчезаетъ всякое подозрѣніе въ сочинительствѣ. Конечно, есть не мало показаній „по слухамъ", „по народной молвѣ", но объ этомъ источникѣ свѣдѣній обычно предупреждаютъ сами свидѣтели. Что касается экспертизъ, имѣющихся въ „дѣлахъ", то однѣ изъ нихъ—медицинскія—чрезвычайно цѣнны и содержатъ безусловно объективныя наблюденія, другія, исходящія отъ миссіонеровъ, консисторій и отъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, нерѣдко голословны, основаны на непровѣренныхъ разсказахъ и тенденціозны; ими авторъ избѣгалъ пользоваться въ своей работѣ. Среди печатныхъ сообщеній очевидцевъ сектантскихъ моленій (врачей, священниковъ, бывшихъ сектантовъ, миссіонеровъ и т. д., есть

также много несомнѣнно правдиваго и важнаго матеріала. Ручательствомъ и критеріемъ достовѣрности какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ свѣдѣній о сектантахъ является ихъ нерѣдко поразительное согласіе между собой, не смотря на огромную разницу временъ и мѣстъ, когда и гдѣ они собирались. Цѣнность разсматриваемыхъ источниковъ возрастаетъ еще отъ того, что личныя наблюденія надъ религіозной экзальтаціей во время сектантскихъ радѣній, охраняемыхъ строгой тайной,—какъ они ни заманчивы, оказываются доступными лишь въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Диспутантъ, однако, не отрицаетъ, что, при всей доброкачественности бывшихъ въ его распоряженіи источниковъ, требовалась большая критическая осторожность при пользованіи ими. И онъ примѣнялъ таковую въ полномъ объемѣ. Доказательство на лицо: не взирая на многочисленныя завѣренія миссіонеровъ, авторъ не ввелъ въ физическую картину экстаза пресловутаго „свальнаго грѣха“.

Рѣзкимъ диссонансомъ по отношенію ко всѣмъ предшествовавшимъ отзывамъ и характеристикамъ диссертаціи г. Коновалова прозвучали возраженія послѣдняго частнаго оппонента—Московскаго епархіальнаго противосектантскаго миссіонера И. Г. Айвазова. Онъ началъ съ характернаго признанія, что къ диспуту подготовиться онъ не успѣлъ, вслѣдствіе неизвѣстности и неожиданности дня диспута, а съ диссертаціей ознакомиться надлежащимъ образомъ не имѣлъ возможности, вслѣдствіе отсутствія ея въ продажѣ. Такъ какъ въ этомъ признаніи сквозило довольно недвусмысленное обвиненіе не только г. Коновалова, но и всего Совѣта Академіи въ якобы намѣренномъ замалчиваніи такого важнаго диспута, то г. Айвазовъ получилъ, во первыхъ, справедливое разъясненіе отъ предсѣдателя Совѣта—Преосвященнаго Ректора Академіи, а во вторыхъ, фактическое опроверженіе и отъ г. Коновалова [1]).

---

[1]) Преосвященный Ректоръ разъяснилъ оппоненту, что по силѣ дѣйствующаго академическаго устава назначеніе сроковъ для диспутовъ зависитъ отъ Ректора Академіи.

Не можемъ, кстати, не отмѣтить здѣсь и особой снисходительности, проявленной къ частному оппоненту, публично заявившему, что къ диспуту онъ не готовился и съ книгой почти не знакомъ. Намъ передавали, что когда аналогичный случай имѣлъ мѣсто въ Московскомъ Универси-

Какъ-бы иллюстрируя свое слабое знакомство съ книгой магистранта, г. Айвазовъ началъ возраженія не съ нея, а съ рѣчи г. Коновалова. Въ этой рѣчи онъ усмотрѣлъ двѣ серьезныхъ вины автора: во первыхъ, *матеріализацію* имъ даже и психологической стороны русскаго мистическаго сектантства, а, во вторыхъ, огульное обвиненіе всѣхъ сектантовъ въ *алкоголизмѣ*. Пытаясь дать нѣкоторую аргументацію этимъ своимъ обвиненіямъ, г. Айвазовъ по первому изъ нихъ указалъ на нѣсколько такихъ мѣстъ изъ рѣчи г. Коновалова, въ которыхъ говорится о первобытно-матеріалистическомъ воззрѣніи сектантовъ на благодать св. Духа („ловятъ ртомъ св. Духа", „другъ въ друга вдуваютъ духъ"). По второму пункту— онъ сослался на проведенную авторомъ рѣчи параллель между сектантскимъ экстазомъ и алкогольнымъ опьяненіемъ и на прямое его упоминаніе о сектантахъ-алкоголикахъ. При этомъ г. Айвазовъ не преминулъ даже заступиться за сектантовъ, сказавъ, что если въ чемъ либо еще, то въ употребленіи спиртныхъ напитковъ русскіе сектанты могутъ быть заподозрѣны всего меньше.

Отвѣчая на эти возраженія, г. Коноваловъ сдѣлалъ, прежде всего, ихъ общую характеристику, сказавши, что они основаны на полномъ непониманіи его словъ и на извращеніи ихъ подлиннаго смысла. Въ частности, его рѣчь не даетъ ни малѣйшаго основанія говорить о какой-то матеріализаціи душевныхъ процессовъ; наоборотъ, и тема рѣчи, и все ея содержаніе, и, наконецъ, прямое опредѣленіе сущности

тетѣ—одинъ изъ неоффиціальныхъ оппонентовъ проф. П. только-что началъ-было свое возраженіе словами: „къ сожалѣнію я не успѣлъ ознакомиться съ Вашей книгой"... то онъ тутъ же былъ остановленъ покойнымъ деканомъ проф. Троицкимъ: „а, Вы не успѣли ознакомиться съ книгой! Такъ я лишаю Васъ слова: потрудитесь прежде изучить книгу, а потомъ ужъ и возражайте на нее". Примѣръ, безусловно достойный подражанія.

Съ своей стороны, г. Коноваловъ указалъ, что о днѣ диспута неоднократно сообщалось въ нѣсколькихъ, наиболѣе извѣстныхъ Московскихъ газетахъ (напр. „Русск. Вѣд." № 254, „Голосъ Москвы" № 254, 1908). Къ этому слѣдуетъ добавить, что книга г. Коновалова немедленно по выходѣ въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ (1-го Сент. 1908 г.) поступила для продажи во всѣ главнѣйшіе книжные магазины, такъ что ко дню диспута была уже отмѣчена газетной рецензіей (Рус. Вѣд. № 214), что, наконецъ, раньше особаго выпуска, она въ теченіи почти двухъ

экстаза, какъ своеобразнаго душевнаго волненія—все это ясно говоритъ о совершенно противоположномъ. Если же, тѣмъ не менѣе, онъ употребляетъ при этомъ и нѣкоторые чисто физическіе образы, то, во первыхъ, пользуется здѣсь подлинной сектантской терминологій, а во вторыхъ, характеризуетъ такимъ путемъ сектантское же міровоззрѣніе, а отнюдь не свое собственное. Что же касается вопроса о сектантскомъ алкоголизмѣ, то и здѣсь г. Айвазовъ непростительно спуталъ двѣ совершенно разныхъ вещи: одно дѣло предъявлять сектантамъ огульное обвиненіе въ пьянствѣ, о чемъ не было рѣшительно никакого упоминанія въ „рѣчи", другое—говорить о бывшемъ алкоголизмѣ или тяжелой алкоголической наслѣдственности нѣкоторыхъ сектантовъ—экстатиковъ, что, дѣйствительно, допускаетъ авторъ, и, наконецъ, совершенно иное—устанавливать лишь параллелизмъ между двумя явленіями — сектантскимъ возбужденіемъ и алкогольнымъ опьяненіемъ, поводъ къ которому даютъ опять сами же сектанты своими „приточными" сравненіями.

Переходя, далѣе, къ самой книгѣ диспутанта, г. Айвазовъ больше всего упрекалъ автора за то, что тотъ, задавшись цѣлью охватить весь сектантскій міръ, остановился лишь на одной физической сторонѣ, и притомъ, не индивидуальнаго, а коллективнаго экстаза, чѣмъ, по взгляду оппонента, авторъ будто-бы доказалъ, что отрицаетъ всѣ другія стороны въ сектантствѣ и смотритъ на него грубо матеріалистически. Диссертація же, вслѣдствіе этого, оказывается будто-бы чуждой богословскаго характера.

Но, предъявляя диспутанту столь серьезное обвиненіе, г. Айвазовъ не далъ своимъ мыслямъ строгой логической формулировки, почему и мы затрудняемся передать ихъ, подобно предыдущимъ, послѣдовательно и связно. Насколько припоминаемъ, г. Айвазовъ особенно упрекалъ автора за то,

---

лѣтъ печаталась въ видѣ отдѣльныхъ статей въ „Богословскомъ Вѣстникѣ" и, слѣдовательно, была открыта для научной любознательности каждаго, дѣйствительно интересующагося ею. Отзывы объ этихъ статьяхъ помѣщались не только въ общей богословской прессѣ (напр., въ „Богосл. библ. листкѣ", при „Руководствѣ для сельскихъ пастырей"—Май—Іюнь 1907 г. с. 245—278), но и въ спеціальной миссіонерской (напр. „Миссіонерское Обозрѣніе", Іюнь 1907 г., с. 963).

что онъ изслѣдовалъ физическія явленія сектантскаго экстаза даже во всѣхъ ихъ деталяхъ, а внутренней сущности экстаза, самой души его не уловилъ, тогда какъ, именно, въ ней-то и заключается вся суть дѣла. Въ подтвержденіе этого, онъ сослался на свою бесѣду съ Козьмой Рябыхъ, судившимся въ Екатеринославскомъ окружномъ судѣ по обвиненію въ хлыстовствѣ, и съ благодарностью вспомнилъ даже французскаго писателя Флобера, который въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „Искушеніе св. Антонія“ смотритъ-де на вещи глубже [1]).

Въ отвѣтъ на это обвиненіе Д. Г. категорически заявилъ, что оно совершенно неприложимо къ его диссертаціи, на заглавномъ листѣ которой ясно и опредѣленно ограниченъ ея предметъ. Таковымъ оказываются *исключительно* физическія явленія сектантскаго экстаза, и странно было-бы въ книгѣ съ такимъ заглавіемъ трактовать о „душѣ экстаза“. По намѣченному авторомъ плану, психическимъ проявленіямъ экстаза будутъ посвящены дальнѣйшіе выпуски изслѣдованія. Началъ же онъ не съ нихъ, а съ физическихъ, главнымъ образомъ, потому, что методъ восхожденія отъ нагляднаго и простого къ болѣе отвлеченному и сложному признаетъ самымъ цѣлесообразнымъ. Полнымъ недоразумѣніемъ со стороны оппонента считаетъ авторъ и обвиненіе въ небогословскомъ характерѣ диссертаціи. Вѣдь физіологическія явленія сектантскаго экстаза изслѣдуются въ ней не изолированно отъ ихъ природной религіозно-психологической почвы, а въ связи съ послѣдней, какъ, именно, явленія *религіозныя*, поскольку сами сектанты считаютъ ихъ дѣйствіями Св. Духа въ человѣкѣ.

Отъ обвиненія автора въ злоупотребленіи физіологіей, оппонентъ, по какой-то неуловимой ассоціаціи, перешелъ къ противоположному обвиненію — сталъ упрекать автора за чрезмѣрное увлеченія психіатріей, которая, какъ извѣстно, есть наука о „душевныхъ“ болѣзняхъ. Ясно, что этимъ вторымъ возраженіемъ оппонентъ опровергалъ свое первое и вообще самъ же дискредитировалъ ихъ оба. Объясненіе такого

---

[1]) Ссылка на дѣло Козьмы Рябыхъ особенно неудачна здѣсь, такъ какъ Козьма Рябыхъ, несмотря на всѣ усилія г. Айвазова, выступавшаго въ роли эксперта, обвинить его въ хлыстовствѣ, судомъ былъ оправданъ.

грубаго внутренняго противорѣчія въ возраженіяхъ г. Айвазова нужно искать въ его плохомъ знакомствѣ съ книгой, благодаря чему, за отсутствіемъ собственныхъ возраженій, ему пришлось пробавляться чужими, къ тому же и не всегда правильно воспринятыми и часто ложно освѣщенными. Особенное пристрастіе обнаружилъ онъ къ возраженіямъ проф. Соколова, нерѣдко искажая ихъ до степени каррикатуры, что вызвало невольный смѣхъ въ рядахъ публики. Не понимая истиннаго смысла этого, въ сущности безобиднаго смѣха, г. Айвазовъ какъ то наивно оскорблялся и требовалъ себѣ свободы слова, которой никто и не думалъ его лишать. Однако эта самая свобода послужила ему скорѣе во вредъ, чѣмъ на пользу, такъ какъ она еще больше обнаруживала слабое знакомство оппонента съ диссертаціей и даже вскрыла нѣкоторые непростительные промахи въ спеціальной для него области сектовѣдѣнія. Усиливаясь, напр. отстоять наличность „свальнаго грѣха“ у сектантовъ, г. Айвазовъ ссылался на дѣла о Радаевѣ, которыхъ, какъ выяснилось изъ преній, онъ лично не видалъ. Но въ этихъ источникахъ и рѣчи нѣтъ о „свальномъ грѣхѣ“ сектантскихъ радѣній, а приводятся лишь факты самаго обыкновеннаго разврата. Равнымъ образомъ, сославшись во время преній на секту какихъ-то „иссопниковъ“, якобы развивающихъ особое воззрѣніе на Св. Духа, онъ не могъ ни указать надежныхъ источниковъ, откуда онъ черпаетъ такія свѣдѣнія о названной сектѣ, ни вообще дать сколько-нибудь удовлетворительныхъ доказательствъ самаго ея существованія, рѣшительно отрицаемаго диспутантомъ. Яркимъ же примѣромъ поверхностнаго знакомства оппонента съ диссертаціей было заявленіе, будто въ ней ничего не говорится о скопцахъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ тамъ приводится множество фактовъ изъ жизни этихъ сектантовъ.

Изъ болѣе мелкихъ возраженій г. Айвазова намъ припоминается его указаніе на одинъ пропускъ въ диссертаціи, именно, въ отдѣлѣ о глоссолаліи, гдѣ автору, по мнѣнію оппонента, слѣдовало бы, во избѣжаніи могущаго произойти соблазна, сдѣлать рядъ полемико-миссіонерскихъ примѣчаній объ истинной и ложной глоссолаліи. Диспутантъ отвѣтилъ, что такія примѣчанія выходятъ за рамки его спеціальной задачи и могутъ служить предметомъ особой, чисто

миссіонерской работы, заняться которой онъ и порекомендовалъ самому г. Айвазову, какъ миссіонеру по спеціальности. Наконецъ, оппонентъ не постѣснился преподать указаніе и всему Совѣту Академіи въ томъ смыслѣ, что ему надлежитъ воздержаться отъ присужденія г. Коновалову магистерской степени за чисто клиническое изслѣдованіе и подождать выхода въ свѣтъ дальнѣйшихъ выпусковъ его труда, когда онъ дастъ именно то, что нужно для нихъ, миссіонеровъ, и чего они желаютъ и ждутъ отъ профессоровъ Духовныхъ Академій.

Въ заключеніе не въ мѣру затянувшагося диспута,—закончился онъ около часу ночи—на нѣсколько минутъ слово взялъ проф. Петербургскаго Университета—И. Д. Андреевъ, который съ большимъ подъемомъ и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ отозвался, какъ о диссертаціи Д. Г., такъ и о Московской Академіи, имѣющей возможность выпускать подобныя диссертаціи и потому заслуженно пользующейся высокой репутаціей у русскаго образованнаго общества и русской университетской науки.

Вслѣдъ за этимъ, Преосвященный Ректоръ Академіи, собравъ мнѣнія всѣхъ присутствующихъ на диспутѣ членовъ Совѣта, единогласно признавшихъ защиту диссертаціи удовлетворительной, объявилъ Д. Г. Коновалова магистромъ богословія, при дружныхъ, долго не смолкавшихъ апплодисментахъ всей аудиторіи.

Оттискъ изъ №№ Богословскаго Вѣстника за 1908 и 1909 годы.

Печатать дозволяется. Декабря 3 дня, 1908 года.
Ректоръ Академіи, Епископъ *Евдокимъ*.